

Ландышева

Елизавета

Кольцо

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Елизавета Ландышева

Кольцо

«Автор»

2025

Ландышева Е.

Кольцо / Е. Ландышева — «Автор», 2025

Ингрид, Киллиан и Карл - дети герцога Эдлера. Отношения отца и детей сложно назвать теплым или заботливым. Однако то, что произошло с ним в один наполненный суетой день, накладывает на их жизнь свой отпечаток. Отец встречает вампира и, пораженный его проклятием, лишается рассудка. Дети вынуждены убить его, но вампир, напавший на герцога, все еще бродит рядом. Он передает свое темное проклятие Ингрид, и ее братья должны спасти ее, пока она окончательно не потеряет себя.

© Ландышева Е., 2025

© Автор, 2025

Елизавета Ландышева

Кольцо

Глава 1. Вампир

Часть 1. Портрет прошлого

Дом Даниэля Финка был самым надежным укрытием. Только здесь Ингрид, Киллиан и Карл могли чувствовать себя в безопасности и насладиться тем, что люди называли обыкновенно спокойной жизнью. В большом, но уютном поместье, немного отдающим стариной, они пережидали бурю, вслушиваясь в шум дождя и вой ветра за дрожавшими стеклами. Уже накрыла дом своей широкой рукой чернота, и в ее паутине запутывался, теряясь, свет. Тени от огня в камине плясали на лицах братьев и сестры, сидевших слишком близко. Они молчали, погруженные каждый в свои мысли, и невидящим взглядом наблюдали, как пламя лизало древесину и с треском превращало ее в угольки. Киллиан протянул руки. Жар от огня ощущался болезненно, но он не хотел отсаживаться.

– Вы бы знали, как мне не хочется возвращаться, – Ингрид обняла себя, чтобы немного успокоиться. Ей было неприятно от одной только мысли, что уже завтра отец пришлет за ними карету. От страха мурашки пробежали по бледной коже девушки, и сердце стучало быстрее и сбивчивее.

– Ингрид, – Карл, самый младший из троих, выглядевший однако гораздо старше, голос имел уже соответствующий внешности – низкий, грубый, – я не могу понять тебя. Почему ты не хочешь рассказать Даниэлю? Мы много раз убеждались, что он верит нам.

Ингрид сразу поняла, к чему клонил брат. Наверное, она в глубине души была с этим согласна, он говорил правду. Даниэль мог бы решить все ее проблемы, однако девушка не смела переступить через себя. Не гордость удерживала ее, вовсе нет. Гордости в Ингрид не было ни капли. Скорее, она чувствовала свою вину и боялась того, что могло последовать за признанием.

– Ингрид, – повторил Карл, и в его голосе послышалась холодность.

– Отстань от неё, ты не помогаешь, – Киллиан нахмурился и обернулся к брату, сжав кулаки. Своим тоном и движениями он сразу дал понять, что не станет терпеть возражений.

Киллиан положил руку на плечо Ингрид и, наклонившись, чтобы поймать ее взгляд, спросил:

– Ты в порядке?

Девушка тут же быстро кивнула. Она не могла совладать с голосом, а потому не стала ничего говорить. Страх сковал ее, и все же с поддержкой Киллиана было немного легче пережить то, что свалилось на них троих. Карл хмыкнул и, выпрямив ноги, повернул голову к окну. На улице ещё шел дождь, барабанил по стеклу и стучал по крыше. Ветер набрасывался на поместье остервенело, словно пытался вырвать его и унести прочь. Ничего не было видно, кроме капель на окне и оставленных ими дорожек. Даже сама пелена дождя почти не вырисовывалась во тьме. Карл поднялся, прошелся по периметру малой гостиной, стараясь наступать как можно осторожнее на мягкий пушистый ковер, и окинул взглядом ещё раз каждую из немногочисленных картин. С одной из них печально смотрела девушка с грубыми, совсем не аристократичными чертами. У нее было вытянутое лицо, чересчур большие глаза, выдающийся подбородок и нос с горбинкой, смотревшийся неестественно. Другая изображала похожего на нее мужчину, правда, чуть более загорелого. Ни Ингрид, ни Киллиан, ни Карл никогда не спрашивали Даниэля, кто изображен на этих портретах, но догадывались по некоторым чертам, что принадлежали они членам семьи Финк.

– Наверное, это дети Даниэля, – предположила как-то Ингрид. – Только вот почему он никогда не упоминал их при нас?

– А ты вообще когда-нибудь видела их в поместье? – Карл нахмурился и скрестил руки на груди, серьёзно задумавшись над своим вопросом.

– Наверное, с ними что-то случилось, и Даниэль не хочет говорить, – тогда предположение Киллиана звучало вполне разумно. С тех пор никто и не решался узнать у Даниэля побольше о людях с портретов. Не то чтобы им совсем не было интересно. Порой они порывались спросить, и вопрос каждый раз застревал в горле.

– Когда-нибудь мы спросим, – пообещал, скорее, самому себе Карл и хотел сказать что-то ещё, как его прервал скрип двери. Даниэль вошёл в малую гостиную с двумя книгами в руках.

– О чем? – поинтересовался Финк. Он выглядел в тот момент таким расслабленным и даже, можно сказать, счастливым, что Ингрид и Киллиан предпочли промолчать.

– Почему ты так добр к нам? – в свою очередь не сдержался Карл. Даниэль развел руками:

– Потому что вы дети моего друга.

– Но ты не общаешься с отцом в последнее время, – Карл все не унимался. Он пытался каждый раз подступиться к вопросу о людях на портретах. Финк поставил книги на каминную полку и сел в кресло, придвинувшись ближе к огню и вытянув тонкие руки.

– Это не значит, что я не могу поддерживать связь с вами. Я привязался к вам.

От голоса Даниэля, спокойного, размеренного, негромкого, веяло чем-то светлым. Сложно было представить его кричащим на кого-то или говорящим неправду. Наверное, отчасти поэтому многие верили Финку.

– Так же, как и к людям на портретах?

Вопрос повис в воздухе, резко похолодевшим. Киллиан и Ингрид в удивлении и страхе воззрились на Карла, а тот только и делал вид, что не смущен сказанными словами. Все трое разом обернулись на Даниэля, ловя каждое его движение. Финк с тяжелым вздохом закрыл глаза и откинулся на спинку кресла. Его руки вцепились в подлокотники так сильно, что побелели костяшки пальцев. Мужчина сжал зубы, напрягая челюсть. Внешне он казался спокойным, но по малейшим деталям было понятно, что заданный вопрос заставил его почувствовать волнение.

– Карл вовсе не это имел в виду, – Киллиан попытался сгладить ситуацию. – Мы не хотели, чтобы ты вспоминал о том, что тревожит тебя.

– Я, возможно, и виноват, но не отступлюсь от своих слов, – возразил Карл. Даниэль грустно улыбнулся и поднял обе руки, призывая к молчанию.

– Я ждал, что вы спросите о них. Да, эта рана ещё болит, но я расскажу все, что знаю. Думаю, для вас история будет ценным уроком. Особенно для тебя, Киллиан, как для будущего главы дома.

Троица обратилась в слух. Финк некоторое время молчал, думая, как было бы лучше начать историю. Не найдя никакого подходящего варианта, решил, что интуиция и чувства, которые непременно должны возникнуть, подскажут.

– Вы знаете... Нет, не знаете, разумеется. В общем, девушку зовут Лаура, а ее брата, чей портрет висит рядом, Лука. Они мои дети. Точнее, были. Были моими детьми, пока не отреклись. Я любил их, но долго не понимал этого, пока... Пока не случилось то, что случилось. Наверное, я все же неправильно их любил. Лаура была старше брата на два года. Когда ей исполнилось восемнадцать, я, естественно, начал искать ей жениха. Думал найти кого-то столь же богатого и равного по статусу. Сейчас я понимаю, что это было мое желание, а не желание дочери, но тогда говорил себе, что делаю лучше ей.

Даниэль ненадолго замолчал. Он шумно сглотнул, поерзал немного в кресле и продолжил:

– Я выбрал подходящую партию для дочери. Он был молод, хорош собой, богат. Да и относился к Лауре неплохо, с уважением. Вот только она не хотела связывать с ним свою жизнь. Я настаивал на ее с ним помолвке и пообещал, что она выйдет за него в любом случае. Наутро служанка нашла в постели дочери только записку. Я всегда слушалась тебя, отец, говорила она, и я не заслужила такого наказания. Можешь вычеркнуть меня из семейного древа, только, прошу, не ищи.

Губы Финка задрожали. Он спрятал голову в ладонях, но, собравшись с мыслями, вновь выпрямился.

– Я привлёк все силы, чтобы найти ее. Наёмники, стража, вознаграждение. Множество лжецов, жадных до денег, потянулось ко мне. Они говорили, что нашли Лауру, но мне удавалось их разоблачить. Четыре года я не оставлял попыток найти дочь, и каждая неудача ранила глубже ножа. Мне хотелось сдаться. Было бы проще успокоиться, забыть, не реагировать так же остро. В какой-то момент я почти поддался. Тогда, помню, это была похожая ночь, дождливая, промозглая, несколько целителей постучали в мой дом. Я спросил о цели столь позднего визита. Мы нашли вашу дочь, так они сказали. В последний раз я поверил кому-то и поехал за ними. В Доме Исцеления, в холодном подвале, лежало много трупов. Их тела были покрыты кровавыми пятнами. Целители создали вокруг меня заклинание, чтобы я не заразился, и повели к одной из кроватей. Это была Лаура, она лежала там. Я подумал, она спит. Она всегда спала так крепко, что никто не мог сразу разбудить ее. Я попытался прикоснуться, но целитель не дал мне этого сделать. Вы знаете, сказал он, у нее был сын. Я так и не смог узнать, как зовут моего внука. Звали. После побега Лаура поселилась в какой-то деревне на востоке, название которой я не запомнил. Деревня эта была далеко от Стрюгерна. Видимо, специально, чтобы я не нашёл. Уж не знаю, кто был отцом моего внука. Когда о смерти Лауры узнал Лука, мой сын, он обвинил меня, отрекся от семьи и уехал. Его убили в пьяной драке. Я остался один, а для взрослого человека нет хуже участи. Когда вы станете старше, помните, что необходимо считаться с мнением тех, кого вы любите. И, самое главное, не бросайте друг друга, что бы ни случилось. Оставшись в одиночестве однажды, поймёте всю тяжесть этого жалкого существования.

Закончил Даниэль совсем слабо. Его голос подрагивал от волнения и то и дело срывался. Киллиан взгляделся пристальнее в бледное широкое лицо Финка, на котором играли тени от неровного пламени, будто танцующая. По щеке Даниэля, оставляя мокрую дорожку, к подбородку стекла первая слеза. За ней вторая. Киллиану стало ужасно стыдно за то, что они оплатили за заботу своему единственному родному человеку тем, что заставили его плакать. Ингрид сконфуженно втянула голову в плечи и опустила взгляд на толстый ковёр, словно узор на нем вдруг показался ей очень интересным. Карл прикусил губу, его взгляд потерял недавнюю уверенность и твердость. Киллиан хотел взять ситуацию в свои руки и сказать, как ему жаль, но не находил нужных слов. Все они казались сухими перед тем огромным горем, которое вновь переживал Даниэль.

– Мне очень жаль, Даниэль, – наконец, осторожно, негромко нарушил воцарившуюся тишину Киллиан. – Я уверен, ты хотел лучшего, ведь ты самый благородный человек из всех, кого я знаю.

Финк вытер слезы платком и, растянув тонкие губы в подобии улыбки, казавшейся слишком притворной и неуверенной, чтобы в нее поверить, ответил тихим ещё дрожащим голосом:

– Пожалуй, но я сам вызвался рассказать эту историю, так что... Не помню, что я хотел сказать. В любом случае, уже довольно поздно, пора спать.

Даниэль поднялся и, молча кивнув гостям, спешно покинул малую гостиную. Только его торопливые шаги ещё некоторое время звучали эхом в коридорах. Карл, растерянный и пристыженный, поднялся вслед за Финком и немного погодя направился прочь.

– Ингрид, можно тебя на пару слов? – Киллиан мягко положил ладонь на плечо сестры, желая остановить ее. – Я хотел поговорить о том, что предложил Карл. Думаю, тебе будет легче, если ты расскажешь Даниэлю правду. Тем более, он относится к нам по-доброму, поэтому не станет тебя обвинять.

Ингрид положила свою руку поверх ладони Киллиана, некрепко сжимавшей плотную ткань ее платья. Она медлила с ответом, сидела, опустив голову. Уши девушки то ли от волнения, то ли от переживаний горели.

– Я знаю, – наконец, сказала она неуверенным полусшепотом. – Только вот мне сложно пересилить себя. Каждый раз, только вспоминая об этом, я чувствую себя такой грязной.

Киллиан пересел ближе и притянул сестру к себе. Ингрид и сама хотела в моменты страха и волнения спрятаться в крепких объятиях брата от всей той тьмы, что составляла ее жизнь. Киллиан был, пожалуй, единственным, с кем она чувствовала себя спокойно и с кем могла делиться всем, ибо знала, что он поймёт и поддержит.

– Всё то, что происходит с тобой, не твоя вина, – прошептал Киллиан так мягко и успокаивающе, что Ингрид не могла не прислушаться. – Ты это знаешь, мы с Карлом это знаем. История сама по себе грязная, но ты – нет. Если о ней будет знать Даниэль, он сможет сделать больше.

– Я просто хочу, чтобы это случилось не со мной, – Ингрид ответила дрожащим от волнения голосом и лишь прижалась сильнее. Она отчаянно искала поддержку. Девушка закрыла глаза, стараясь спрятать голову на груди брата, чтобы дать себе возможность успокоиться. Киллиан почти невесомо погладил ее по спине:

– Я понимаю, и мы будем защищать тебя столько, сколько потребуется.

На некоторое время воцарилась тишина, нарушаемая лишь монотонным стуком капель по стеклу да треском огня в камине. Дрова уже почти сгорели, внутри лежали лишь тлеющие угольки и ковер золы. Ингрид растворилась в тёплых объятиях, медленно проваливаясь в полудрёму. Она перестала чувствовать ладонь брата на своей спине, и воспоминания о недавнем разговоре ушли, оставив приятную пустоту. Киллиан осторожно усадил сестру поудобнее, позволив ей откинуться на мягкую спинку дивана. Голова Ингрид сначала безвольно упала на грудь, прежде чем девушка смогла ненадолго проснуться.

– Я провожу тебя, – сказал Киллиан и, поднявшись, помог сестре встать. Затем взял ее под руку. Едва они ушли, дрова в камине окончательно догорели, и висевшие в гостиной портреты потонули в наступившей тьме.

Часть 2. Неуютный дом

Наутро отец действительно прислал карету. Едва Ингрид, Киллиан и Карл покончили с яичницей, лимонным пирогом и чаем и вышли в коридор, дворецкий, уже немолодой, седовласый, но сохранивший былую статью, с поклоном сообщил:

– Господа, карета герцога Эдлера уже прибыла.

Никому не хотелось уезжать из пустого, но уютного дома Финка. Это было все равно что добровольно покинуть крепость во время осады и только ждать, когда в грудь прилетит снаряд. Доброта Даниэля приносила в их жизни свет, которого обычно не хватало. Хотелось спрятаться за статуей, закрыться в одной из нежилых комнат, лишь бы дожидаться, пока карета не уедет пустой. Ингрид, Киллиан и Карл, опечаленные новостью дворецкого, остановились в центре широкого коридора, щедро освещенного лучами солнца, пробивавшимися сквозь окна. Блики играли на мраморных воинах, сжимавших копья и мечи, и на позолоченных рамах картин. Даниэль переминулся с ноги на ногу и слабо улыбнулся:

– Я был рад, что вы приехали. С вами гораздо веселее.

Должно быть, одиночество и впрямь тревожило душу Финка, ибо он даже не пытался скрыть печаль от отъезда гостей. Даниэль пожал на прощание руки всем троим и проводил их наружу.

Поначалу солнечный свет слепил, не приглушенный темной обстановкой коридора. Когда глаза немного привыкли, Карл первым увидел стоявшую у потрескавшегося фонтана чёрную карету, запряженную тремя вороными конями. Она остановилась прямо в центре широкой дороги, огибавшей весь сад. По правую и левую стороны за ровно подстриженными кустами росли цветы, разлившиеся красными, желтыми и синими волнами, и от их сладковато-медового запаха, смешавшегося в нечто странное, кружилась голова. Чуть поодаль виднелись молоденькие тонкие яблони, тогда ещё не дававшие урожая. В их густой листве пели птицы, нарушая воцарившуюся тишину, и вторило им негромкое журчание фонтана. Постоянно оглядываясь на широкое крыльцо, на котором стоял Даниэль, Ингрид, Киллиан и Карл неспешно шли в сторону кареты. Ноги их почти не слушались, а в голове то и дело возникали мысли развернуться. Однако иного пути не было. Карл первым залез в душную карету и уселся с крайне недовольным видом на прогретое солнцем сиденье. Киллиан помог Ингрид, а затем забрался сам, закрыв дверцу. Послышался щелчок хлыста, и карета со скрипом тронулась. Она выехала за железные ворота, представлявшие собой будто бы переплетенные лозы винограда, прогибавшиеся под тяжестью гроздьев. Позади оставалось огромное поместье Даниэля, строгое, лишённое излишеств, но казавшееся в тот момент таким красивым, что сложно было оторвать взгляд. Постепенно здание отдалялось, пока и вовсе не скрылось в дымке. Карета продолжала путь по открытому полю, простиравшемуся до самого горизонта. Глазу не за что было зацепиться, и все быстро погружалось в раздумья. Мысли касались таких мрачных вещей, что хотелось отогнать их прочь. Вскоре Ингрид не выдержала и спросила:

– А мы могли бы, скажем, сбежать? Как Лаура.

– Сбежать? – переспросил Карл, будто не расслышал. – Неужели ты этого хочешь?

– Я порой и правда думаю об этом, – призналась Ингрид неохотно. – Знаете, сбежать подальше от дома, от Стрюгерна. Может быть, куда-нибудь на юг.

– Я бы не стал, – заметил Киллиан, обернувшись на брата и сестру и в легком удивлении оглядев их, ибо их внезапный разговор на мгновение выбил его из колеи. – Мы останемся без еды, без крыши над головой, без денег. Плох ведь не наш дом сам по себе, скорее, отец сделал его неудобным. В наших руках это изменить.

– В твоих руках, – мрачно поправил Карл. – Я все равно не останусь в этом доме. Я хочу стать гвардо, а они живут только в казармах. Ингрид выйдет замуж и уедет в дом мужа. Будет дом уютным или нет, зависит от тебя.

Ингрид внезапно закашлялась, вероятно, будучи в шоке от такой перспективы. Киллиан зацепился за новую тему, чтобы сделать разговор немного бодрее:

– Ты что, не хочешь замуж? Встретишь красивого герцога или графа, который влюбится в тебя с первого взгляда, и увезет к себе, попутно укрывая от всяких напастей. Как-то так же было в твоей любимой книге?

Карл рассмеялся своим громким заразительным смехом, отчего Ингрид и Киллиан вздрогнули. Успокоившись, он ответил:

– Откуда ты знаешь сюжет любовного романа? Я что-то о тебе не знаю, а, Киллиан?

– Я просто слишком много общаюсь с Ингрид, – Киллиан попытался оправдаться. – Она рассказывает мне то о «Выборе графини», то о «Великом герцоге, что принадлежит мне». Мне кажется, или они одинаковые?

Ингрид закатила глаза и, выражая притворное раздражение, поймав общее настроение, живо ответила:

– Да нет же! В «Выборе графини» графиня Берхтольд не может выбрать между влюблёнными в нее бароном Готфридом и графом Видманном. Один из них благородный, честный человек, а другой оказывается обманщиком. В «Великом герцоге, что принадлежит мне» героиня хочет быть со своим любимым, но ее родители против этого. Они лишь...

– Я итак понял, достаточно, – Карл возвел взгляд в потолок кареты, откинувшись на спинку и безвольно опустил руки. – Это удивительная чушь. В жизни так не бывает.

– Поэтому я и читаю эти романы, – с грустной улыбкой ответила ему Ингрид, но, тряхнув головой, вернув себе прежнее настроение, добавила. – Вы просто не понимаете. У тебя на уме одни легенды про воинов и монстров, а у Киллиана – экономика, философия и риторика.

Карл сделал вид, что вот-вот умрёт от духоты. Хотя, справедливости ради, в карете и впрямь было нечем дышать.

– Какая мне разница, выберет эта твоя графиня графа или барона? Пусть хоть не выбирает никого и уезжает путешествовать. А вот если герой не убьёт монстра, то всему миру наступит конец, – он ответил усталым голосом человека, говорящего всем известную истину.

– А все-таки кого выбрала графиня? – вставил слово молчавший до того Киллиан. Карл обернулся на него в таком удивлении, будто увидел перед собой монстра:

– Брат! Не предавай меня.

– Смотри, – довольная тем фактом, что Киллиан заинтересовался сюжетом «Выбора графини», Ингрид с азартом в горящих глазах, бурно жестикулируя, начала объяснять, то и дело чуть не вскакивая, – там дело вот в чем. Барон Готфрид беден, ведь отец оставил ему карточные долги и заложенное поместье. Граф Видманн же богат.

– О нет, – Карл со страдальческим выражением лица потянулся к стеклу, будто надеясь выбить его и сбежать. Впрочем, Ингрид уже перестала обращать на него внимание, поглощенная рассказом сюжета. Киллиан тоже то и дело проваливался в полудрему, вызванную и духотой, и мерным перестуком колёс, и бесконечными одинаковыми полями за окном. Однако он был рад, что смог отвлечь сестру от печальных мыслей о побеге. Киллиан задумался о том, что сказал им Даниэль. Им троим стоит всегда держаться вместе.

Наконец, впереди, на пригорке, показался темным пятном большой особняк. В своем мрачном величии он возвышался над бесконечными полями и тянулся тонкими башнями-пальцами в безоблачное голубое небо. От поместья Эдлеров веяло, хотя, возможно, всем троим так лишь почудилось, чем-то зловещим и неприятным, будто оно само противилось появлению в нем людей. Вот-вот особняк своей незримой силой направит на карету горгулий, сидевших на широких карнизах, пронзит блестящими на солнце шпильями башен, и бронзовые львы догрызут их тела. Однако и горгульи, и шпили, и львы остались безмолвны. Наваждение исчезло, и поместье вновь стало самым обычным, пусть и его мрачность никуда не делась. Карета остановилась у широких ворот под тяжелым каменным навесом. Ингрид, Киллиан и Карл поднялись по сколотым ступеням к окованным железом дверям, раскрывшимся перед ними со скрипом. В центре бального зала, большого, пустого, освещенного падавшим из широких окон солнечным светом, уже стоял отец, привычно нахмурившись и скрестив руки на груди. Его лицо казалось мрачным, тень падала на него, скрывая и орлиный острый нос, и кустистые брови, и тяжелый всегда напряженный подбородок.

– Здравствуй, Ингрид, – сказал отец своим хриплым голосом. – Я ведь скучал. Не уезжай без предупреждения в следующий раз, ты же знаешь, что без тебя здесь становится так скучно.

– Я пойду к себе, если вы не против, отец, – Ингрид опустила голову, едва заметно вздрогнув, услышав свое имя, поклонилась и скорее ушла в сторону парадной лестницы. Отец прокашлялся. Некоторое время он провожал ее долгим взглядом, лишь затем обернулся к Киллиану и Карлу.

– Ты снова где-то прохлаждаешься, Киллиан, – отец обернулся к своему старшему сыну. – Ты бы лучше вспомнил о своих занятиях. Твой учитель по ричстершискому языку говорил, что у тебя далеко не всё хорошо. Не думай, что я позволю хоть кому-то в этом доме позорить честное имя Эдлеров.

Киллиан почтительно поклонился, не желая затевать ссоры, и ответил как можно более покорно:

– Я вас понял, отец. У меня были небольшие проблемы с ричстершским, но я их решил, можете не беспокоиться.

– Не смей больше допускать таких проблем. Иди занимайся.

Киллиан ушёл. Отец, даже не взглянув на Карла, направился следом.

Вскоре глава семьи уехал, оставив своих детей одних. Небольшое потрясение утра быстро стерлось из памяти, и жизнь вернулась в подобие нормы. Той самой скучной, серой нормы, которую, однако, так ценили обитатели дома. Вновь суетились вокруг слуги, и их топот нарушал воцарившуюся тишину. На первом этаже звенели столовые приборы и раздавались чьи-то торопливые шаги. За окном, во дворе, над поляной, окруженной кустарниками, слышался глухой стук ударов деревянных мечей. Карл снова тренировался, ведь впереди его ожидало поступление в академию гвардо. Он показывал неплохие успехи благодаря вложенной в него, пожалуй, самим Творцом недюжинной силе. Однако Карл хотел стать ещё лучше, надеясь, что именно его заметят экзаменаторы. Он желал удивить их и каждый раз, ложась спать, представлял момент долгожданного триумфа. Стук долетал до окон библиотеки, где среди больших крепких шкафов, доверху забитых пыльными старыми томами и новыми ещё яркими книгами, занимался Киллиан. Ему не хотелось гневить отца лишним раз, а потому он упорно пытался учиться самостоятельно, чтобы не ударить в грязь лицом перед нанятыми преподавателями, приходившими почти каждый день. Они хвалили Эдлера за старательность и отмечали его гибкий ум, но этого было недостаточно.

– Только слабаки и трусы говорят, что идеал недостижим, – все чаще повторял отец Киллиану. – Этим они оправдывают себя. Настоящий Эдлер стремится быть идеальным.

Киллиан тряхнул головой, избавляясь от мыслей. Он вновь внимательно вчитался в последнее предложение, чтобы поймать его потерянный смысл. В тот день он слишком много отвлекался и думал о судьбе Лауры и Луки.

– Всё занимаешься?

Киллиан едва заметно вздрогнул от неожиданности. Он быстро обернулся и увидел в дверях Ингрид с томом «Выбора графини». Она неспешным шагом подошла ближе и совершенно бесцеремонно заглянула через плечо брату:

– Какая же это приземленная, серая скукота. Я даже могу понять героические истории о сражениях, но вот это... – она осеклась на полуслове. – Ты не думал хотя бы любопытства ради прочесть что-то другое?

Киллиан пожал плечами, обернувшись к сестре и отодвинув рефлекторно том по экономике:

– Может и хотел бы, но, если я не подготовлюсь к приходу барона Нудной лекции, иными словами, моего преподавателя по экономике, отец снова будет говорить о чести семьи. Это ещё хуже и ещё скучнее.

Ингрид не смогла сдержать смешок. Голос Киллиана, когда он говорил о преподавателе и чести семьи, становился крайне забавным.

– Ты итак слишком много занимаешься. Я уверена, отец не знает и половины того, что знаешь ты. Расслабься и почитай хорошую книгу.

Она положила «Выбор графини» поверх тома по экономике, похлопала брата по плечу и скрылась среди расставленных в хаотичном порядке шкафов, вполголоса добавив, обращаясь уже к самой себе:

– А мне нужно найти ту книгу. Что-то про далекие южные земли. Посмотрим.

Вскоре Ингрид скрылась из виду, и даже ее бормотание перестало доходить до ушей Киллиана. Он вновь погрузился в учёбу.

Постепенно день сменился серым затухающим вечером, и по углам сплела паутину тьма. Солнце напоследок бросило свои лучи в окна поместья, словно стараясь уцепиться за них и удержаться ещё ненадолго, однако сгорело в алом пламени у линии горизонта. Прохладный

ветер, принесший аромат трав, пробрался сквозь распахнутые окна. Все вокруг терялось в черноте, и вскоре даже сад будто бы вовсе исчез. Вся троица собралась к ужину. Отец ещё не приехал, так что они были веселы и расслаблены.

– Как твоё тренировка, Карл? – чтобы немного разговорить брата, спросил Киллиан с неподдельным интересом. Карл широко улыбнулся, положил ложку и принялся рассказывать:

– Я сегодня поработал лучше, чем вчера. Представляешь, отжался шестьдесят раз. Для сдачи экзамена нужно всего-то сорок. Потом пробежался наперегонки с сэром Томасом и выиграл у него.

Киллиан в ответ не смог не заразиться тем энтузиазмом, с которым Карл делился своими успехами.

– С твоими результатами сдать экзамены в академию гвардо для тебя будет просто. Откуда только в тебе столько силы?

Карл пожал плечами так спокойно и безразлично, будто не услышал ничего особенного, однако его большие карие глаза буквально загорелись от гордости. Он никогда не получал похвалы от отца, так что Киллиан каждый раз пытался особенно отметить его силу и усердие.

– Я тренируюсь каждый день, братец, вот откуда сила. Если я перестану, она исчезнет. Знаешь, как если бы ты перестал говорить на ричстершиском и забыл бы его.

Карл вновь вернулся к еде. Истратив всю энергию во время тренировки, он ел очень быстро, куда быстрее Ингрид и Киллиана, наученных соблюдать этикет.

– Бедные твои будущие товарищи по оружию, – с усмешкой ответил ему Киллиан. – Мне кажется, ты с таким усердием оставишь их далеко позади, как ты уже оставил позади некоторых наших рыцарей.

– Я уверен, – с набитым ртом начал Карл, не особо обращая внимание на то, что это считалось невежливым, – что рыцари просто притворяются. Они прошли академию. Их наверняка тренировали гораздо строже, чем они сейчас тренируют меня.

Разговор продолжался ещё некоторое время. Киллиан следил за реакцией брата и, удивившись, что он поделился тем, чем хотел, переключил внимание на скучавшую Ингрид, все пытавшуюся вставить слово.

– Кстати, Ингрид признала, что считает героические истории интересными, – сказал он как бы между прочим. Ингрид нахмурилась и с наигранной обидой в голосе принялась оправдываться:

– Я просто поставила их выше книг про экономику. Как ты ловко перевернул мои слова, брат.

– Так и сказала? – Карл громко рассмеялся. – А я знал, Ингрид! Истории о сражениях цепляют кого угодно.

– Да не говорила я этого! Киллиан, ну скажи ему, что ты пошутил, – взмолилась Ингрид. – Он же заставит меня читать о героях.

– Удачного тебе знакомства с великим сэром Вольфом, – только и ответил Киллиан. Ингрид довольно ощутимо толкнула его в плечо двумя руками:

– Это ты во всем виноват.

– Я принесу тебе первую книгу из цикла после ужина, – с хитрой ухмылкой добавил Карл. Он уже давно понял, что Киллиан пошутил, но решил подыграть. Его Ингрид одарила ударом ложки по лбу.

– Брат, нас обоих победила Ингрид. Мне кажется, мы ещё недостаточно сильны, – констатировал Киллиан. Карл вновь издал странные звуки, похожие на смех:

– Просто она в гневе сильнее любого рыцаря.

Ингрид довольно улыбнулась братьям и с демонстративной гордостью вернулась к ужину. Она мысленно порадовалась, что отстояла свою честь.

После еды Карл и Киллиан ушли в библиотеку искать первый том, повествующий о сражениях великого сэра Вольфа. Они провозились среди шкафов довольно долго и, поглощенные делом и разговором, а ещё мыслями о том, как будет выглядеть лицо Ингрид, даже не услышали шума на первом этаже. Братья достали с верхней полки толстый пыльный том в черной кожаной обложке, и Карл скорее понес его через широкий коридор, освещённый лишь призрачным светом луны. Всё вокруг вдруг показалось каким-то таинственным и иллюзорным, и подступающая тень лишь усилила это чувство. Подумалось даже внезапно, что предки с портретов, висевших друг за другом на стене из темного дуба, двигались. Однако Карл быстро прогнал наваждение. Он открыл знакомую дверь, ведущую в комнату Ингрид, и на долю секунды застыл на пороге. Его прежде радостное выражение лица сменилось на изумленное в один короткий миг. Киллиан скорее подошёл к брату, но тот уже решительно ворвался внутрь.

– Отпусти ее! – послышался яростный крик Карла. Киллиан, уже догадываясь о том, что случилось, поспешил помочь.

Ингрид сидела на кровати, и ее пышное длинное платье, украшенное поясом из драгоценных камней, было спущено с плеч. Отец одной рукой зажимал ей рот, а второй развязывал шнуровку подрагивавшими пальцами. Разозлившись скорее на себя, он убрал ладонь и, прижав дочь крепче к себе, несмотря на ее сопротивление, поцеловал. Затем, навалившись всем телом, мужчина заставил ее лечь, коленом упершись между ног. Именно в тот момент Карл схватил воротник наполовину расстёгнутой рубашки отца и резко потянул на себя.

– Что ты делаешь? – не менее злым был голос отца. Он поднялся, с трудом выпрямился, ибо ноги едва держали его, и замахнулся на младшего сына:

– Не смей мне указывать, ублюбок!

Карл, не сдержавшись, ударил отца по лицу, вложив всю свою уже тогда немалую силу. Но не оскорбление заставило его это сделать, а желание отомстить за Ингрид. Киллиан не стал пытаться разнять двух озлобленных людей. Он смог подобраться к Ингрид, помог ей подняться и постарался увести подальше. Однако их заметил отец, и его лицо ещё больше исказила ярость:

– Не смей вмешиваться. Ингрид, вернись!

Однако Ингрид спряталась за спиной Киллиана, обняв себя двумя руками. Ее тело мелко дрожало, а лицо покраснело.

– Дайте ей решить самой, отец, – Киллиан ответил с холодным спокойствием. – Вы же ее любите.

– Я ее люблю, и я знаю, что ей нужно гораздо больше тебя. Отойди, пока не стало поздно.

Однако Киллиан не сдвинулся. Каждый мускул его тела напрягся. Он выпрямился, расправил плечи, показывая всю твердость своих намерений, но в то же внимательно следил за движениями оппонента. Удивительно, как именно пьяный отец, вероятно, с помощью ярости, смог довольно резко размахнуться и направить кулак в лицо сыну. Киллиан остановил его. Рука его дрожала, но он не желал сдаваться, чтобы защитить стоявшую сзади Ингрид, испуганную и сбитую с толку. Отец пнул его колено и, воспользовавшись коротким моментом растерянности, ударил по носу. Киллиан отошёл на шаг, сжал зубы от острой боли, но не отступил. Он готов был вновь ввязаться в бой, однако этого не потребовалось. Карл подобрался сзади, одним молниеносным движением, схватив отца под грудью, перекинул и уложил на лопатки.

– Пойдем, – шепнул Киллиан на ухо Ингрид и под руку увёл ее прочь.

Вскоре все трое уже сидели в комнате Киллиана, заперев дверь на замок и оставив гореть лишь одну свечу. Они едва ли видели друг друга в наступившей тьме, однако, что заботило больше, не могли успокоиться. Карл ходил из угла в угол, разминая кулаки. Его лицо ещё горело от огромной внутренней злости, которую ему хотелось куда-то направить. Он то и дело бросал взгляд на дверь, но не выходил. Тишину нарушали лишь короткие всхлипывания Ингрид.

Она плакала, подрагивая всем телом, уткнувшись носом в шею Киллиана, обнимавшего ее и старавшегося успокоить.

– Я говорил, что нужно было рассказать Даниэлю, – наконец, молчание, не выдержав, нарушил Карл. – Ты бы сейчас не страдала так из-за отца, если бы рассказала вчера обо всём. Соберись с силами!

– Я не могу, – прошептала с трудом Ингрид. Из-за вины, которую внушили ей слова Карла, она почувствовала себя ещё более грязной.

– Нужно было, но ты не смогла. Ингрид, это ведь вопрос твоей безопасности, – продолжал Карл с таким упорством, будто это что-то действительно могло ему дать. Вся внутренняя злость обрушилась теперь на Ингрид, и, хотя он и пытался удержать себя, на деле ничего не мог сделать.

– Карл, возьми подушку, побей ее и успокойся, – холодным бесстрастным голосом посоветовал Киллиан. – Не смей отыгрываться на Ингрид. Она пострадала больше нас.

Карл сжал кулаки и нахмурился, ответив не громко, не яростно, но мрачно:

– Твоя вина в этом тоже есть. Если бы ты не потакал Ингрид так сильно, а уговорил рассказать тогда всё!

– Я не собираюсь давить на Ингрид, как ты это делаешь сейчас. Пожалуйста, брат, помолчи. Ты не помогаешь, – Киллиан был ещё спокоен, однако отголоски знакомых железных ноток послышались в его голосе. Такие же, только ярче и злее, использовал отец. Карл ударил кулаком в стену и вышел, напоследок громко хлопнув дверью. Ему было обидно, что к нему не прислушивались. Обида эта смешивалась с яростью где-то глубоко в душе, и две сильные эмоции буквально раздирали его. Не зная, как ещё выпустить их, Карл вышел на улицу, взял меч и принялся отрабатывать удары. Прохладный воздух охлаждал, сгонял с лица краску и остужал пыл. Широкие размашистые движения, в которые Карл вкладывал силу, помогали привести мысли в порядок. Он сосредоточился на ощущении рукояти меча в своей ладони, и воспоминания об отце, Ингрид и собственной обиде померкли. Карл взглянул в единственное окно, откуда ещё лился совсем тусклый неровный свет, и тут же отвернулся. Обычно Киллиан гораздо лучше справлялся с тем, чтобы успокоить Ингрид. Порой они настолько хорошо понимали друг друга, что Карл чувствовал себя лишним. Он хотел быть полезным брату и сестре, но понимал, что не умел так же тонко ловить настроение Ингрид. Он действительно был, пожалуй, слишком груб, но не видел в этом ничего плохого. Мягкость никогда бы не помогла Карлу, когда он отчаивался и опускал руки.

– Ей нужен холодный душ, а не теплая ванна, – прошептал он, будто его шепот мог достичь ушей Киллиана.

Разумеется, Киллиан не мог бы его услышать. Он был целиком поглощён тем, что пытался помочь сестре. Однако все слова в тот момент, казалось, не имели достаточной силы.

– Ты в безопасности, Ингрид, – вполголоса сказал Киллиан, крепче прижав к себе сестру и почти невесомо погладив по спине. – Отец не сможет добраться до тебя. Он не посмеет сделать того, что собирался, ведь мы с Карлом рядом с тобой.

Ингрид подобралась ещё ближе, настолько близко, что Киллиан чувствовал ее теплое дыхание на своей шее и слышал, как бьётся ее сердце.

– Я не могла ничего сказать Даниэлю, – она будто и вовсе не слышала, что говорил брат. – Мне было бы легче вылить на себя ведро грязи.

– И я понимаю, почему ты не могла, – гораздо мягче ответил Киллиан. – Карл тоже понимает. Он сказал это со злости. Никто из нас не хочет на тебя давить. Давай я принесу тебе зелье сна, оно поможет успокоиться.

– Не уходи, – тут же резко выкрикнула Ингрид и сама утрашилась звука своего голоса. – Не оставляй меня здесь одну в темноте.

– Но тебе нужно заснуть, – Киллиан все же пытался в своей привычной мягкой манере подтолкнуть сестру к тому, чтобы она его услышала. – Я же не оставлю тебя надолго.

– Если ты уйдешь, я снова утону в мыслях о том, что хотел сделать отец. Не оставляй меня с ними наедине.

Ингрид сжала тонкими длинными пальцами плотную ткань пиджака Киллиана, и, казалось, ее всхлипы стали ещё громче. Она боялась. Киллиан поймал ее взгляд, похожий на тот, что видел у затравленного оленя, на которого со всех сторон наступали собаки во время охоты. Затем Ингрид вновь закрыла глаза и спрятала голову на груди брата.

– Позволь мне только открыть дверь, – увидев сестру такой, Киллиан сдался. Он не мог оставить ее в тот момент. Ингрид усилием воли разжала пальцы, и он поспешил открыть дверь, чтобы затем вновь вернуться. На шнурке возле кровати висел колокольчик для вызова слуг. Им Киллиан и воспользовался, приказав спешно подошедшему дворецкому принести зелье сна. Едва слуга явился вновь с небольшой бутылочкой, которую протянул с почтительным поклоном, а затем удалился, Киллиан одной рукой открыл сосуд.

– Выпей, – сказал он так же спокойно. Ингрид послушно сделала глоток. Мысли ее стали вялыми и тяжелыми, и она сама не заметила, как провалилась в сон и разжала пальцы, поудобнее устроив голову на плече Киллиана.

Часть 3. Признание

Несмотря на неплотно прикрытые шторы, первые солнечные лучи, осторожно ступая по половицам, добрались до лица Ингрид. Недовольно пробормотав что-то, она отвернулась и постаралась спрятаться, чтобы ещё немного продлить сон. Девушка смогла успокоиться, и воспоминания о вчерашнем позоре уже не имели над ней столь же сильную власть. Отогнав мысли об отце, Ингрид пролежала ещё полчаса в полудрёме, нежно удерживавшей ее на границе сна и бодрости. Когда совсем утомилась, она, наконец, подняла голову. Некоторое время понадобилось, чтобы вернуться в реальность и сфокусировать взгляд. Просторная комната, обставленная добротной мебелью из темного дуба, разложенные на полу и на столе книги и бумаги и картина сражения на стене показались ей поначалу незнакомыми, однако она быстро смогла вспомнить, что то были покои брата. Сам Киллиан полулежал в кресле, откинув голову на мягкую спинку и пристроив руки на подлокотники. Ингрид осторожно подобралась ближе. Он выглядел слишком непривычно. Черные волосы, обыкновенно аккуратно зачесанные назад, сейчас лежали в беспорядке, растрепанные, а над рассеченной верхней губой на фоне бледной кожи особенно яркими казались уже высохшие кровавые разводы. Однако лицо Киллиана было безмятежным и расслабленным. Ингрид редко видела брата таким. Он всегда следил за тем, чтобы выглядеть опрятно, даже в детстве.

Ингрид осторожно, чтобы не разбудить его, вышла из комнаты, ступая на цыпочках. Она принесла воды, ведь ждать ещё спавших слуг казалось занятием слишком долгим, бутылку травяного густого зелья и, вытерев кровь с лица брата, обработала его нос. Затем, подняв одну штанину и подвернув ее, намазала зелье ровным слоем ещё на синяк на колене. Ингрид выпрямилась и только хотела отойти к столу, чтобы оставить бутылку, как заметила, что брат открыл один глаз. Быстрым резким движением он взял сестру за запястье и, наклонившись, невесомо коснулся костяшек ее пальцев губами:

– Спасибо, – сказал Киллиан ещё хриплым после сна голосом. – Ты выпалась? Как ты себя чувствуешь?

Ингрид опустила глаза. Киллиан казался ей тогда особенно искренним и настоящим, ещё сонный, растрепанный, и от его облика будто исходило тепло, не обжигающее, но мягко и нежно обволакивающее. Украдкой из-под ресниц она все же осмотрела его ещё раз. Брат, с прямыми и словно скульптурными чертами чуть вытянутого лица, с ярким контрастом зелёных глаз и по-аристократически бледной кожи, стройный, с гордой осанкой, всегда был симпатичным, но в тот момент раскрылся с новой стороны. Поддавшись внезапному порыву, Ингрид

наклонилась и поцеловала его в щеку. Ей тогда показалось это совершенно нормальным, не нарушавшим границы их родственных отношений. В конце концов, ещё вчера он защитил ее и поддержал.

– Мне уже гораздо лучше, – ответила девушка так уверенно, как только могла. Хотя где-то глубоко в душе ей было беспокойно. Вдруг родилось сильное желание сделать что-то большее, возможно, даже выразить чувство признательности. Внезапный порыв любви к брату разлился по телу теплом, захватив каждую клеточку. Захотелось вдруг, чтобы он вновь поцеловал ее руку. Однако Ингрид постеснялась попросить об этом. Пожалуй, Киллиан мог бы посчитать это чем-то совсем неприличным, переходящим грань. Хотя их отношения всегда были очень крепкими, и грань размывалась, медленно стираясь. Ингрид всегда думала, что так всего лишь выражала признательность и тянулась изо всех сил к единственному человеку, который понимал ее. В конце концов, сёстры иногда целовали братьев в щеку или в лоб, иногда крепко обнимали, выражая свои чувства.

– Мне показалось, ты немного напряжена, – короткий момент тишины нарушил Киллиан. Он поднялся и, легко улыбнувшись, подмигнул:

– Или все-таки не показалось?

Ингрид развела руками, постаравшись вновь встретиться глазами с полным заботы взглядом брата, но тут же опустив голову и сосредоточившись на блестящей застёжке туфель:

– Я в порядке. Я чувствую себя гораздо лучше.

– Тогда спускайся к завтраку. Я скоро буду, только приведу себя в порядок.

Ингрид вновь вспомнила, что находилась в комнате Киллиана, а не в своей, и, тихо охнув, вышла. Сердце ее ещё бешено колотилось. Выдохнув, она прижалась к стене и сползла по ней. Девушке не мешало бы и самой причесаться и умыться, однако ее мысли были далеко от каждодневной рутины. Вместе со служанкой она вернулась в свои покои, где ничего больше не напоминало о произошедшем вчера. Кровать тщательно застелили, ковер поправили, на всякий случай даже помыли полы. Вот только воспоминания остались нетронутыми, спрятавшимися где-то за тяжелыми бордовыми шторами, под трюмо и в шкафу между платьев. Они только и ждали момента вырваться на волю и наброситься на Ингрид. Действие зелья сна окончательно улетучилось. Мрачные мысли вновь посетили ее. Никто не мог закрыть девушку собой, чтобы защитить от них, в тот момент.

– Я не хочу думать о том, что произошло вчера, – пронеслось в голове. Ещё некоторое время назад Ингрид была в состоянии не допускать ни единой мысли о случившемся. Однако чем больше она сопротивлялась, тем сильнее они становились. Отец был ей омерзителен. И свое собственное тело, теперь вспомнившее его прикосновения, казалось ужасно грязным. Ингрид приказала приготовить ванну после завтрака.

На первый этаж она спустилась спешно, надеясь не встретить по дороге отца. Должно быть, он ещё спал, а значит Ингрид смогла выдохнуть. За столом большого пиршественного зала, украшенного цветами и картинами, уже сидели Карл и Киллиан, вполголоса о чём-то переговариваясь.

– . . . Мне кажется, я показал себя слабаком, – говорил Киллиан. – Ты не против потренироваться вместе? Я не хочу, чтобы это впредь повторялось. А вот и ты, Ингрид.

– Приходи, – ответил Карл, кивнув. – Посмотрим, на что ты способен.

Ингрид села на привычное место и безразличным взглядом окинула стоявшие на столе яичницу с жареным картофелем, овощи и хлеб. Аппетита они у нее не вызвали. Она взглянула на как ни в чем не бывало довольного Карла, и в голове вновь зазвучал его голос:

– Если бы ты рассказала Даниэлю.

– Ингрид, ты извини меня, – Карл опустил голову и почесал затылок. Всегда храброму и прямолинейному, ему тяжело было извиняться. – Я вчера перегнул палку.

– Ничего, – Ингрид слабо улыбнулась, чтобы снова показать, что всё хорошо. – Если бы вы не защитили меня, не знаю и не хочу знать, что бы произошло. Я рада, что у меня такие братья.

Хотя их желание защищать ее трогало Ингрид, она понимала, что так быть не должно. Вчера она стала причиной, по которой Киллиан сильно рисковал. Девушке не хотелось бы, чтобы подобная драка произошла вновь. Обычно отец не заходил настолько далеко. Карл был прав.

– Единственный выход – это рассказать Даниэлю, – подумала Ингрид, лениво поддевая вилкой кусок яичницы, но даже не думая, что она в тот момент делала. Одна только мысль о том, что Киллиан и Карл могли пострадать, вгоняла в страх. Теперь уже было необходимо рассказать о случившемся, Ингрид чувствовала, что должна, и это придавало ей сил.

– Ингрид, неужели так вкуснее? – в мысли внезапно ворвался удивленный голос Карла. Девушка тряхнула головой и увидела, что пыталась обмакнуть яичницу в чай.

– Не знаю, я просто задумалась, – сконфуженно призналась Ингрид, тут же положив вилку и стараясь сделать вид, что ничего не было.

– Раз ты пока с нами, – предложил Киллиан намеренно бодрым голосом, – скажи, не хочешь посмотреть, как Карл уделает меня?

– Я буду с тобой помягче, – шутливо признался Карл. – Ты все-таки больше тренируешь разум, а не тело.

– Я приду посмотреть чуть позже, – пообещала Ингрид.

После завтрака Ингрид действительно разделась и вошла в горячую воду, позволив ей окутать свое тело. Поначалу она неприятно обжигала, но девушка старалась не обращать внимание. Вместе с легкой болью должны были уйти воспоминания, раствориться. Служанка с особым усердием терла ее тело. Ингрид казалось, застывшая на ней грязь, до того незаметная, отваливалась кусками, обнажая кожу. С водой смывались ощущения неприятных прикосновений отца к плечам, лицу и ключицам. Однако все мысли теперь крутились вокруг поездки в дом Даниэля. Ингрид не представляла, как подступить к теме, как рассказать всё, что произошло. Ей казалось стыдным говорить об этом с Финком.

– Он всегда помогал и поддерживал, – напомнила себе Ингрид. – Поможет и сейчас, когда опасность грозит моим братьям.

В конце концов, девушка решила, что интуиция подскажет верный порядок слов. Сомнений не было, только решимость, рождавшая в глубине души волнение о том, как всё пройдет.

Закончив с ванной, Ингрид все-таки вышла на балкон понаблюдать за братьями.

– О, прекрасная принцесса, пусть поединок рассудит, кому из нас выпадет великая честь поцеловать вашу руку, – увидев Ингрид, Киллиан низко поклонился и, выпрямившись, поднял над головой меч.

– Только один из двух героев, – поддержал Карл, – сможет это сделать. Сдавайтесь, сэра Киллиан, ведь я настроен решительно.

– Я настроен не менее решительно, ибо ценная награда ожидает достойного, – Киллиан ответил с такой решимостью, будто действительно находится на турнире за руку и сердце принцессы.

Оба встали в стойку, чуть согнув ноги, и стали обходить друг друга осторожным неспешным шагом, напрягшись. Некоторое время никто не смел напасть. Карл сдался первым. Он сделал выпад, но Киллиан заблокировал его. В первый раз они скрестили мечи. Ингрид оперлась локтями об ограждение, выполненное в виде виноградных лоз, и сосредоточила всё свое внимание на дуэли. Карл начал теснить противника, задавая темп и всё приближаясь. Однако вскоре Киллиану удалось завладеть преимуществом. Они ещё не сражались всерьёз, только изучали стиль друг друга, анализировали. Некоторое время оба вновь стояли, напрягшись, готовясь принять удар.

– Открыт! – воскликнул Карл и сделал выпад, целясь в бок. Киллиан довольно изящно увернулся и попытался атаковать. Однако Карл быстро отреагировал, и, казалось, его тело не было человеческим, ибо его скорость и гибкость поражали. Киллиану пришлось уступить преимущество и начать обороняться. Ингрид каждый раз боялась, что Карл заденет его, но он будто заранее угадывал действия брата.

– А вы хороший противник, сэра, – искренне признал Карл, хотя и попытался обернуть свои слова в холодную вежливость.

– И мне приятно встретить достойного соперника, – ответил ему Киллиан и сделал выпад первым, вероятно, надеясь застать врасплох. Карл увернулся и заблокировал ещё одну атаку, вложив силу двух рук. Стук мечей вновь огласил поле. Карл попытался выбить оружие из рук брата резким ударом, но это не возымело эффекта. Киллиан сократил дистанцию и сделал подсечку, отвлекая внимание на новую атаку. Карл не устоял, однако увернулся, прокатившись по земле и подняв пыль, от прямого удара. Киллиан не позволял ему подняться, понимая, что не мог упустить шанс. Он не предугадал одного. Карл смог ухватить его за запястье и повалил на землю. После чего, встав на ноги, провел последнюю атаку, завершившуюся его победой.

– Признаюсь честно, ты меня удивил, – Карл протянул руку, чтобы помочь брату подняться. – Неужели ты знаешь, что такое меч?

– У меня есть учитель фехтования, – заметил Киллиан. – Хотя я провожу на этом поле куда меньше времени. Вот ваш победитель, принцесса, а я свой долг исполнил.

– Э нет, брат, – Карл как-то садистски усмехнулся. – Ты ещё не начал тренировку.

Киллиан аж застыл, опустив меч:

– Не начал? Что же тогда у вас тренировка?

За мучениями бедного брата Ингрид следила довольно долго. То, с чем Карл справлялся легко, Киллиану удавалось едва ли. В конце он лег, раскинув руки, на землю и заявил, что никакая сила не заставит его встать. Однако всё же поднял голову, когда Ингрид вышла на поле.

– Я думала поехать к Даниэлю и всё ему рассказать, – объявила она. Карл широко улыбнулся и открыл было рот, чтобы что-то сказать, но не решился.

– Не против, если мы окажем тебе поддержку и тоже поедем? – предложил Киллиан. Ингрид действительно этого хотела. Братья придавали ей решимости. Она твердо кивнула. Киллиан, приподняв уголки губ в подобии усталой вымученной улыбки, ответил:

– Я тебя понял. Только помогите мне подняться.

Ингрид, Киллиан и Карл вновь ехали в дом Даниэля в душной карете, особо не отвлекаясь на скучные пейзажи за окном. Всё те же поля простирались аж до самого горизонта. Ингрид понимала, что назад пути не было, и пыталась вернуть ту решительность, которая завладела ею ещё за завтраком. Карл молчал, прикрыв глаза и, вероятно, думая о чём-то своём. Киллиан полулежал, вытянув ноги и расправив плечи.

– Ты хотел меня убить? – спросил он Карла намеренно слабым голосом.

– Да не хотел я, – Карл развел руками в ответ. – Просто думал показать, чем я занимаюсь каждый день.

– Устал? – Ингрид отвлеклась, ибо мысли о том, как пойдет разговор, уже начали ее утомлять. – Карл, ты мог бы быть мягче.

– Я больше никогда не буду тренироваться с Карлом, – твердо пообещал Киллиан. – Сейчас меня вполне устраивает тот факт, что я слабее.

За разговором ни о чем троица не заметила, как прошёл путь. Карета уже въехала во внутренний двор поместья Финка, и вместо полей показались знакомые пейзажи сада, посаженного цветами, кустарниками и яблонями. Приятно журчал фонтан в центре. На крыльце уже стоял Даниэль, и его одинокую фигуру освещали лучи солнца. Он обнял каждого из гостей и повел их в малую гостиную сквозь лабиринт похожих друг на друга коридоров. Финк, казалось, светился от счастья. Он всегда был рад видеть в своем доме детей друга.

– Неужели вы соскучились? – спросил Даниэль, но было ясно, что он не ждал ответа. Однако Ингрид зацепилась за его вопрос, чтобы начать разговор о случившемся:

– И это тоже. У меня есть, что сказать тебе.

Карл твердо кивнул Ингрид, а Киллиан сжал ее ладонь в своей. Девушка вновь напомнила себе, что делала это, в том числе, ради братьев. Да и отступить уже было нельзя.

– И что же это? – Даниэль опустил в кресло у ещё не зажжённого камина, откинувшись на спинку. Он мягко улыбался, и Ингрид надеялась, что он действительно поможет.

– Вчера произошло кое-что неприятное. Я... Ну я отдыхала вечером, когда зашёл отец. Пьяный. Он начал лезть ко мне. Если бы не братья, я не знаю, что случилось бы. Отец никогда не слушал никого из нас. Возможно, он послушает тебя как... как равного себе.

Всю свою речь Ингрид выдала спешно, почти на одном дыхании, так крепко сжав ладонь Киллиана, что его пальцы побелели. Она вновь почувствовала ту грязь, которую, казалось бы, смыла горячей водой. Ей казалось, что Даниэль не захочет этого даже касаться. Однако Финк выслушал внимательно.

– Ты правильно сделала, что рассказала мне, – наконец, ответил он, когда решил, как подступиться к теме. – Я поговорю с Эльмаром и заставлю его прекратить. И я клянусь, что не скажу, что именно ты рассказала мне всё. Только не дай этому крайне неприятному моменту повлиять на тебя. Не думай, что в случившемся есть твоя вина, не закрывайся. А вы, Киллиан, Карл, поддержите сестру. Вы троём очень дружны и справитесь вместе.

– Мы поддерживаем Ингрид как можем, – тут же отозвался Карл. Даниэль живо закивал:

– Это замечательно. Очень замечательно. Езжайте домой, а я поеду следом через несколько минут. Пусть всё выглядит так, что я услышал эту историю от кого-то другого.

Когда троица вернулась, отец уже проснулся. Он успел выпить пару бокалов вина в большой гостиной и лениво посматривал в окно, будто надеясь увидеть что-то необычное во дворе. Впрочем, скука и спокойствие его не радовали.

– Где вы были? – крикнул отец в коридор, едва троица приблизилась и попыталась осторожно прошмыгнуть мимо.

– Мы с Карлом тренировались, отец, а Ингрид смотрела за нами, – Киллиан почти не соврал, лишь утаил часть правды, и его голос звучал так твердо, что нельзя было не поверить.

– Каждый из нашего рода рождался и умирал с мечом в руке, – растягивая гласные, принялся объяснять отец. – Если и выбирать смерть, то только такую. Запомни, Киллиан, если ты не умеешь обращаться с мечом, ты не умеешь ничего.

– Я вас понял, отец, – холодно ответил Киллиан и скорее ушёл прочь, а Ингрид и Карл поспешили следом. Они старались остаться неподалёку, чтобы увидеть приход Даниэля, и их недолгое, казалось, ожидание оправдало себя. Финк вскоре появился в дверях и, кивнув притаившейся троице, вошёл в гостиную. Ингрид, Киллиан и Карл припали к двери, лишь бы услышать как можно больше.

– А, Даниэль, какие люди, – воскликнул отец внезапно бодрым голосом. Судя по шороху, он поднялся. – Ты не был здесь уже сотню лет.

– Я не был здесь несколько лет, – холодным был голос Финка. – С тех пор, как ты не поддержал меня.

Отец ответил спешно:

– Не стоило так обижаться. Я тогда сказал правду. Но сейчас ты здесь. Простил?

Даниэль прочистил горло и ответил лишь спустя несколько секунд раздумий:

– Нет, Эльмар, я пришёл поговорить с тобой о том, как ты относишься к своим детям. Они приезжают ко мне мрачнее тучи, но никогда не говорят, что именно ты делаешь не так. Я хочу разобраться.

За дверью послышались звон бокалов и журчание наливаемой в них жидкости. Должно быть, дальше оба сели.

– И что же ты хотел выяснить о моих детях? – отец особенно подчеркнул «моих», чтобы, вероятно, вежливо выразить простую мысль – он не хотел вмешательства друга в свою семью.

– Давай начнем с Карла, – предложил Даниэль, проигнорировав намек. Его голос был наполнен ледяным спокойствием и даже нотками раздражения. Впервые он не звучал тепло, и, казалось, принадлежал совсем другому человеку.

– Ты будто и вовсе не замечаешь присутствие Карла, Эльмар, однако он твой сын.

Отец поставил бокал на стол с глухим стуком и выдал торопливо:

– Карл – моя самая большая ошибка в жизни.

Наступила звенящая тишина. Киллиан и Ингрид обернулись к брату. Карл прижался лбом к двери и закусил нижнюю губу. Лицо его покраснело. Киллиан похлопал его по плечу, чтобы хоть как-то выразить поддержку.

– Ты говоришь это о своем младшем ребёнке, – напомнил Даниэль, и что-то очень мрачное и злое проскользнуло в его голосе.

– Я помню, что Карл носит мою фамилию. И все-таки я очень сильно ошибся. Карл не должен был появляться в нашей семье. До сих пор мне стыдно перед ней за это, а он живое напоминание о моей слабости.

– Перед кем?

Троице пришлось вслушаться, чтобы понять, о ком говорил отец, ибо его голос опустился до слабого полупшепота:

– Перед Ирен.

Ирен звали жену Эльмара. Однако никто из его детей ее не помнил, ибо она умерла уже очень давно.

– Она тогда только умерла, и я не мог в это поверить. Я напился, как сейчас помню, и увидел в проходившей мимо служанке знакомые черты. Мне показалось, это была Ирен. Я зацеловал ее, отвел в спальню, а наутро понял, что ошибся. Получается, я изменил жене. Эта служанка родила сына, и мне пришлось его принять. Знаешь, почему? Потому что Киллиан был очень слаб и любая, даже незначительная, проблема с его здоровьем могла грозить тем, что он не дожил бы и до трёх. Если бы это произошло, Карл остался бы единственным моим наследником. Но я всегда хотел, чтобы именно сын Ирен стал в будущем главой семьи, ведь она отдала ему всё, что могла.

– И все ж в этом нет вины Карла, – поспорил Даниэль, хотя его тон смягчился немного.

– Мне нечего ответить, – отец сказал таким тоном, который ясно показал, что он не намерен более касаться воспоминаний и мыслей о рождении Карла. Поэтому Даниэль сменил тему:

– Хорошо. Но что насчёт Киллиана? Не кажется ли, что ты строг с ним? Он старается учиться, никогда тебе не перечил, никогда не создал даже малейшей проблемы, но ты лишь упрекаешь его.

Отец ответил не думая, видимо, заранее сформулировал свой ответ:

– Когда я уйду, он станет главой семьи. Разумеется, я должен быть с ним строг. Он навлек бы позор на весь наш род, если бы я вырастил его избалованным тупым слабаком. Мой отец всегда мне это говорил, и я старался ради чести семьи. Хотя, признаться честно, Киллиан не похож на меня. Он слишком мягкий и ещё с детства слабый. В Карле больше от Эдлеров, чем в нем. И все же я надеюсь, что Киллиан просто ещё молод, и через пару лет в нем появятся сила и жесткость. Я бы хотел, чтобы он был другим.

Ингрид обеспокоенно обернулась к Киллиану. Брат через силу улыбнулся ей, однако в его глазах она прочитала грусть. Они втроём вновь прислушались. Однако с минуту длилась тишина, нарушаемая лишь звоном бокалов и шорохом.

– Теперь ты хотел поговорить об Ингрид? Я обращаю на нее внимание, я с ней мягче, чем с Киллианом. В чем проблема? – отец попытался напасть первым, и Даниэлю все же пришлось начать тот разговор, ради которого он приехал.

– Я слежу за вашими отношениями, когда ты приезжаешь за ними. Мне кажется, та... те чувства, которые у тебя к твоей дочери, они переходят грань. Я слышал разговор слуг, пока ждал разрешения войти. Они упоминали какой-то вчерашний инцидент, когда ты поцеловал Ингрид в губы, а твои сыновья хотели ее защитить.

Судя по долгому напряженному молчанию, отца загнали в тупик. Он пару раз пытался ответить, но выходило лишь что-то нечленораздельное. Наконец, он взял себя в руки.

– Убирайся прочь.

Отец сказал это таким тихим холодным тоном, что стало страшно. Однако Даниэль смог сохранить самообладание, потому что ответил твердо и уверенно:

– Не уберусь, пока не узнаю правду. Она же твоя дочь. Если же ты продолжишь выгонять меня, я воспользуюсь своими связями среди гвардо. Глава гвардо, Ульрих Фогель, мой хороший друг.

Отец громко выдохнул и с такой силой поставил бутылку на стол, что стук разлетелся эхом.

– Я больше не притронусь к ней даже пальцем. Доволен? То, что я испытываю при виде нее, сложно контролировать. Я чувствую ревность к тому, кто возьмёт ее в жены, чувствую страсть. Ты не знаешь, как я пытался это подавить. Не обвиняй меня.

– Но что бы сказала Ирен, если бы узнала, как ты обращаешься с дочерью? – Даниэль остался бесстрастным, как судья, выносящий приговор. – Ингрид это явно доставляет страх и боль.

– Неважно, – торопливо ответил отец. – Ирен бросила меня здесь одного. Я не хочу, чтобы то же сделала и Ингрид.

– Знаешь, с таким отношением твои дети бросят тебя. Тебе нет до них никакого дела. Ни до Карла, которого ты не замечаешь, ни до Киллиана, которого видишь своим продолжением, а не отдельным человеком, ни до Ингрид, когда играешь с ее чувствами.

С громким звоном бутылка разбилась обо что-то. Отец топнул ногой и крикнул яростно:

– Не говори мне ничего о моих детях, Даниэль! Ты не имеешь на это права. Твоя дочь и сын сейчас под землёй, а значит, ты ужасно их воспитал. Мои же дети со мной.

Ингрид, Киллиан и Карл едва успели отшатнуться, когда дверь с грохотом распахнулась и красный от злости Даниэль буквально вылетел в коридор. Не замечая ничего и никого вокруг, он спешно ушёл прочь. Отец остался сидеть на диване, спрятав голову в ладонях.

– То, что мы услышали... – Ингрид осеклась на полуслове.

– Было правдой, – закончил за нее Киллиан мрачным тоном. – Мы никогда не были нужны отцу. Но знаете что? Вы нужны мне. Ближе людей у меня нет.

Карл молча похлопал брата по плечу и, развернувшись, направился вглубь коридора. Ему необходимо было самому разобраться в своих чувствах. Ингрид сжала ладони Киллиана в своих:

– Мне бы хотелось, чтобы ты оставался таким же. Если не отец, то ты заботишься обо мне. И я люблю тебя за это.

– Я люблю тебя, Ингрид, – вполне серьёзно ответил ей Киллиан. – Лучше сестры нет нигде.

Ингрид вдруг вновь ощутила то самое чувство, которое посетило ее утром. Она хотела большего: обнять, прижаться, услышать, как бьётся его сердце, а потом поцеловать, насладившись моментом гораздо дольше, чем тогда. Возможно, ее желания переходили грань. Вот только не было уже никакой разницы. Пускай даже Киллиан и был ее братом. В сущности это ничего не меняло. Возможно, Ингрид лишь отчаянно хотела оправдать себя и внезапно возникшие чувства, твердо убеждая себя, что не было предосудительным любить брата.

Киллиан все же потрепал Ингрид по голове и спешно ушёл прочь, оставив наедине с сильными противоречивыми чувствами. Он направился за Карлом, чтобы убедиться, что с ним всё в порядке.

Киллиан нашел Карла стоящим на поле с деревянным мечом в руке. Не было чем-то удивительным, что брат выбрал пойти тренироваться, чтобы забыть об услышанном. Киллиан поднял второй меч с земли и направил кончик острия на Карла.

– Не принимай близко к сердцу то, что говорил отец, – сказал он и сделал первый выпад. Карл заблокировал его. – Как сказал Даниэль, в том, что произошло между отцом и служанкой, нет твоей вины. Ты Эдлер, и ты мой брат.

– И мне нравится проводить с вами время, – уклончиво ответил Карл, защищаясь. – Ты всегда интересуешься тем, что происходит в моей жизни. Но я всегда был лишним. Ты гораздо ближе к Ингрид, а Ингрид – к тебе. Вы отлично друг друга понимаете, а я далеко не всегда могу это сделать.

Киллиан вновь попытался атаковать, но Карл двигался слишком быстро:

– Здесь ты не прав. Не будь с нами тебя, всё было бы по-другому. Ты честный прямолинейный человек, который всегда говорит то, что не можем выразить ни я, ни Ингрид. Тебе всегда хватает сил оставаться на стороне правды. Хотя мы не всегда принимаем твою правду, мы к тебе прислушиваемся.

Карл пропустил удар, однако быстро справился с чувствами и попытался провести атаку. Однако его рука уже не так крепко сжимала меч:

– Вам так важно моё мнение?

– Точно, – живо отозвался Киллиан, увернувшись. – Ты всегда оставался голосом разума. Но мы с Ингрид ценим тебя не только за это. В конце концов, не нужно никаких причин, чтобы любить брата, верно? Чтобы понимать, что мы близки, тоже.

– Я тебя понял, брат, – Карл опустил меч, и Киллиан смог сделать последний прямой выпад, чтобы поразить его в грудь. – Напоминай мне об этом чаще.

– Договорились. Ещё один поединок, или с тебя уже хватит?

– Это ты скоро будешь молить меня о пощаде.

Вновь начался бой. За ним из окна незаметной следила Ингрид, чтобы хоть как-то отвлечься от мыслей о своих чувствах к Киллиану.

Часть 4. Воскрешение воспоминаний

Часть, рассказанная Эльмаром Эдлером

Не было места мрачнее, чем то, куда Эльмар шёл через подземный коридор, держа в руке магический шар, бросающий яркий свет на каменные стены. Пол был покрыт ровным слоем сырой голой земли, лишённой растительности. Вряд ли хоть что-то могло прорасти в темном затхлом месте. С потолка свисали корни, похожие на чьи-то скрюченные худые пальцы. Запах сырости и смерти забивался в нос, и откуда-то проникал прохладный ветер и цеплялся за лодыжки. Эльмар ненавидел этот коридор всей душой. Он шел вперёд, не спеша, но и не сбавляя темпа, опустив плечи и сгорбившись под тяжестью нахлынувших воспоминаний. Впрочем, не было ещё дня, когда он не думал о течении собственной жизни. Эльмар хотел остановиться, но будто ощутил резкий толчок в спину. Он напоминал сам себе преступника, идущего на эшафот. Вот-вот колодки сомкнутся на его руках и шее и палач поднимет топор. Вот-вот его голова покатится по деревянному настилу на радость собравшейся публике. Эдлер не хотел умереть так. Он желал бы быть героем для своей семьи, примером для сына и окончить путь с мечом в руке. В бою встретил Люциана, бога смерти, дед, чье тело до сих пор лежало где-то в водах Северного моря, в бою встретил его и отец, пронзенный стрелой кочевника в далёкой восточной стране, носившей имя Центра. Эльмар смотрел на них, могучих, сильных, с восхищением в глазах, когда они могли остаться дома на пару дней, а затем вновь уйти воевать. Тогда, когда поместье наполнялось по случаю их возвращения шумом и суетой, приез-

жало множество незнакомых людей. Они много пили, громко смеялись, а потом сажали жён и любовниц на колени, чтобы, забираясь одной рукой под их одежды, похвастаться подвигами. Эльмар обыкновенно был предоставлен сам себе и мог, налив в кружку остатки пива, послушать те самые героические истории. Эдлеры были большую часть времени мрачными, серьёзными и жесткими и лишь на пиру веселились на славу. Эльмар всегда хотел так же: приехать домой после войны, награжденный даже не добрым словом короля, но новыми ранами, оставшимися как воспоминание о подвиге, собрать вокруг рыцарей и оказаться в центре шумного праздника. Чтобы его сын смотрел на него с восхищением и, взволнованный, ужасно гордый, просил рассказать что-нибудь ещё. Однако времена изменились. В Северном море царило спокойствие, а Центру от набега кочевников защищала мощная стена. Умерло время героев, а они сами остались буквами на страницах книг. Эльмар чувствовал себя чужим в новой мирной эпохе, и его ценности не с кем было разделить. Лишь на сына он возлагал надежды, однако напрасно. Киллиан был мягким, слабым и не любил истории о войнах.

– Отец, – говорил он каждый раз, когда Эльмар доставал книгу о приключениях сэра Вольфа, – любой конфликт нужно пытаться решить мирно. Война разрушает дома, убивает людей, отбирает ресурсы. Она невыгодна.

Наверное, его устами говорил его учитель по экономике. Однако ещё до рождения сына Эльмар не находил поддержки и среди друзей. Его тяга к битвам переросла в любовь к азартным играм, а одиночество привело к желанию любым способом забыться. Эдлер понимал это, ведь у него было много времени на размышления. Он слонялся без дела по молчаливому поместью, запертый в тесноте, закованный в кандалы, отчаянно сопротивляясь будто бы всему миру. Только в Ирен Эльмар нашёл родственную душу. Она одна слушала его рассказы, она одна всегда поддерживала его.

– Ты мой герой, что бы ни случилось, – так она говорила, когда он лежал на диване в большой гостиной, положив голову на ее колени. Образ Ирен где-то вдаль, призрачный, сотканный из воспоминаний, появился во тьме коридора, сопровождая безмолвно.

– Всё могло бы быть иначе, – сказал Эльмар, будто бы вновь обращаясь к жене. Он не мог поймать ее, не мог обнять, только наблюдал за ней.

Впереди замаячил свет. Эдлер спрятал магический шар в карман пиджака и решительно пересек границу, за которой лежали его воспоминания. Среди множества серых могил, стоявших сомкнутыми рядами, будто защищая покой мертвецов, нашлась та, что принадлежала Ирен. Эльмар положил на землю цветы и встал на колени, чтобы смахнуть пыль с холодного камня.

– Сегодня приходил Даниэль, ну ты помнишь. Мой бывший хороший друг, – вполголоса сказал Эдлер. – Он говорил со мной о моих детях, как будто ему было до них дело. Наверное, он как-то узнал о том, что произошло вчера. Знаешь, Ингрид выросла твоей копией. Ты никогда этого не увидишь, но у нее твоя внешность, твои манеры, твои мысли. Я бы не хотел, чтобы она выросла похожей на тебя, но увы. Ведь сейчас я будто вижу в ней тебя. Я боюсь, что она так же уйдёт, и я не смогу ее удержать. Это двигает меня на то, что мне самому сейчас кажется ужасным. Мне страшно вновь остаться одному, без тебя. Но хватит. Ещё он говорил о Киллиане. Ты столько отдала, чтобы Киллиан жил, но он не оправдал этого. Он настолько не Эдлер, что это даже разочаровывает. Он мой единственный наследник, так что место во главе семьи достанется ему. И мне больно представлять, во что превратится дом Эдлеров – дом воинов, дом героев. Хотя, когда вчера он вступился за Ингрид, что-то от Эдлеров в нем все же было. Я знаю, ты не хотела бы, чтобы я говорил о Карле, но я слежу за ним. И он гораздо больше похож на моего наследника, такого, каким я его себе представлял. Как ты думаешь, может быть, мне стоит обратить больше внимания на Карла? Он никогда не унаследует дом и богатства семьи лишь потому, что я люблю тебя. Раз ты отдала всю себя Киллиану, твоя жертва не должна стать напрасной.

Эльмар сжал в руке ком сырой земли, раскрошившийся в его пальцах. Ирен осталась безмолвна. Разумеется, она не могла ответить, но Эдлеру нравилось говорить с ней, представляя, что она ещё жива. Жена всегда внимательно выслушивала все его мысли, страхи, предложения. Она не перебивала, не сводила сосредоточенного взгляда, пока он не умолкал.

– Все могло бы сложиться иначе, но я виноват перед тобой.

То была холодная ночь. Стихия разбушевалась настолько, что ветер гнул молодые деревца и свистел в оконных щелях. Хлесткими ударами он будто старался выбить окно, швыряя капли дождя. Казалось, природа остервенело бросалась на дом, чтобы стереть его с лица земли.

– Целители говорили, что твоя жена должна скоро родить, – Даниэль сел возле Эльмара, положив руку ему на плечо. – В такую погоду ты все равно быстро не доберешься. Не лучше ли поехать сейчас?

– Есть ещё пара дней в запасе. Я буду рядом с ней, когда всё начнётся, – Эльмар был в этом абсолютно уверен. Он вновь будет держать жену за руку, поддерживая, стараясь разделить невыносимую боль.

– Почему ты так уверен? Даже целители не смогли назвать точный день, – не согласился Даниэль, однако друг уже не стал ему отвечать. Он целиком сосредоточился на игре.

В тот вечер Эльмар сильно проигрался. Отчаяние заставляло его наливать в бокал до краев пшеничную водку. Он пытался снова и снова, зараженный азартом, победить, но всё не везло. В конце концов, друзья отправили его спать. Только наутро Эльмар узнал, что приезжал дворецкий, чтобы сообщить, что у Ирен начались схватки. Однако его повезли не в поместье, а в Дом Целителей, где показали ее бездыханное уже холодное тело. Эдлер запомнил лицо жены, застывшее в выражении страха и отчаяния.

– Мы сделали всё, что могли, но этого было недостаточно, – признали целители, опустив головы. – Ваш сын, Ваша Светлость, выжил. Только первое время он останется с нами.

Эльмар замотал головой. Он не хотел вновь вспоминать тот день, когда потерял Ирен. Возможно, если бы Эдлер тогда не уехал играть и не напился, он смог бы быть рядом с женой и это придало бы ей сил.

– Прости меня, – Эльмар провел ладонью по камню и, с трудом поднявшись, вышел не обратно в коридор, а на улицу.

Ночь уже вступила в свои права. В тишине, где-то среди высокой травы, стрекотали кузнечики. Ветер приносил с собой приятную прохладу, забирающуюся под одежду и пробегавшую по коже приятными мурашками. Над головой вместо каменного потолка был черный небесный купол, усеянный звездами, такими далекими и холодными, что становилось неуютно смотреть на них. Согласно древней легенде, звезды – это души умерших, смотревшие на живых с высоты безучастным взглядом. Они не могли ничего сказать, хотя Эльмар порой чувствовал, что нуждался в чьём-нибудь совете.

Краем уха Эдлер уловил шорох. Он застыл, вслушиваясь в тишину ночи и лишь смотря по сторонам. Чей-то темный силуэт будто проскочил мимо.

– Кто здесь? – громко спросил Эльмар, жалея, что не взял с собой никакого оружия. Ответом ему была тишина. Должно быть, подумал Эдлер, у него разыгралось воображение. Он ещё раз решил обойти склеп, прежде чем уйти домой. Эльмар осторожно заглянул за угол и увидел в бледном свете луны того, чей силуэт прошмыгнул мимо него. То был очень худой мужчина с вытянутым лицом, точнее, черепом, на который надели с трудом желтоватую кожу, и седыми волосами. Рваная грязная одежда незнакомца свисала с него, будто мешок. Он прижимался к каменной стене входа в склеп, откинув голову.

– Что вам здесь нужно? – спросил Эльмар угрожающе, сделав шаг к незнакомцу, выглядевшему таким злым и раздраженным, будто это его склеп пытались нагло ограбить.

– Ступайте своей дорогой, – голос незнакомца был хриплым, мало напоминавшим человеческий. – Я проведу в этом склепе всего одну ночь.

– Этот склеп принадлежит моей семье, и я никого не пушу внутрь, – Эльмар стал терять терпение. Он не мог представить, что какой-то незнакомец будет ночевать среди его воспоминаний. Настолько личных воспоминаний, что о них не знали даже дети и друзья.

– Я понимаю, – ответил незнакомец настойчивее. – Но я обещаю ничего не трогать и не ломать. Вы не заметите моего присутствия.

– Убирайтесь прочь, – Эльмар сжал кулаки и сделал ещё один шаг. Незнакомец выпрямился. Тело его напряглось, а на лице отразилась такая злоба, какая не свойственна была ни одному человеку. Впрочем, Эдлер тоже был в ярости. Просьба незнакомца сразу показалась ему кощунственной. Эльмар готов был до конца защищать место, где нашли покой члены его семьи.

– Мне нужно место, где я могу затаиться, – признался собеседник Эдлера обреченным голосом, будто бы извиняясь, разминая пальцы. – Слишком сильно нужно.

– Не смейте подходить к этому склепу, – предупредил Эльмар. – Иначе вам вряд ли понравится продолжение нашего разговора.

Незнакомец обошёл его, не сводя внимательного взгляда, и вдруг улыбка украсила его тонкие губы.

– Значит вы стойкий благородный человек? Я люблю таких. Они быстрее всего сдаются.

Одним резким движением он вынул из недр одеяния нож и, прыжком преодолев разделявшее их расстояние, вонзил лезвие в бок Эльмара. Эдлер пытался увернуться, но, застигнутый врасплох, ничего не смог противопоставить. Незнакомец припал к ране губами, и Эльмар довольно скоро почувствовал, что земля ушла из-под ног. Сил стоять не осталось, и он упал, потеряв сознание.

Эльмар не мог сказать, сколько он пролежал на холодной земле. Ночь ещё не закончилась, и всё вокруг осталось прежним, однако чувства его обострились до предела. Рана на бедре уже начала подсыхать.

– Найти бы этого гада, – пронеслась в голове полная злобы мысль. Эдлер встал и направился через склеп в поместье. Произшедшая история заставляла его чувствовать ярость, сжигающую изнутри. Пожалуй, ещё никогда он не был так зол. Всё вокруг бесило: и тишина, и безмолвие могил. Эльмар остановился у памятника Ирен и, взявшись двумя руками за влажный камень, перевернул его, напоследок пнув ногой.

– Думаешь, мне было приятно, когда ты оставила меня? – воскликнул он в сердцах и ушёл в темный коридор. Злость его не знала границ. Он жаждал крови и даже не задумывался, откуда вдруг взялось это страшное чувство.

Часть 5. Клятва навеки

Тишина ночи прервалась вдруг разнесшимся по коридорам и достигшим каждого уголка криком. Ингрид, Киллиан и Карл встретились в коридоре, встревоженные, сбитые с толку.

– Кажется, кричал отец, – предположил Киллиан.

– Наверное, он снова напился, – добавила Ингрид совсем тихим испуганным голосом. – Мы ведь не собираемся спускаться?

– Разумеется нет, – Киллиан ответил ей твердо и уверенно. – Лучше не попадаться ему на глаза.

– Я же слышу, что вы трое не спите. Какого черта вы не встречаете своего отца? – раздался полный злобы громкий голос с первого этажа. Вряд ли отец мог их услышать. Возможно, он лишь предположил.

– Давайте в библиотеку. Если что, там есть тайный ход, – идея Киллиана показалась разумной, и они поспешили в огромное помещение, заставленное книгами до потолка. Они

спрятались среди мощных высоких шкафов и прислушивались к тяжелым неспешным шагам отца.

– Я не намерен играть с вами, – голос раздался гораздо ближе. – Чертовы невоспитанные дети. Я научу вас уважать своего родителя. Думаешь я не накажу тебя за то, что ты пошла жаловаться этому придурку Даниэлю, а, Ингрид? Выходи сейчас же!

– Хорошо же он напился, – обращаясь к самому себе, заметил вполголоса Карл. – Держись за нами, сестра.

Ингрид закусила губу и зажмурилась. Она не хотела, чтобы отец узнал о том визите к Даниэлю. Все ее мысли были лишь о спасении.

– Лишь бы он прошёл мимо, – твердила девушка про себя.

– Ингрид! – вновь крикнул отец, а затем раздался стук, словно он со всей силы врезал кулаком по стене. – А ты, Киллиан, разочарование всего рода, я же учил тебя не перечить мне.

Ингрид и Карл обернулись к брату. Он застыл на месте, раздраженный, но, кажется, не уязвленный.

– Он идет сюда, – шепотом сказал Киллиан. – Я не понимаю, как он только догадался.

Отец и раньше не раз приходил пьяным посреди ночи, крича что-то заплетающимся языком и угрожая. Однако ещё никогда всё не заходило так далеко. Обыкновенно его крики заканчивались, когда он ложился спать на диван в большой гостиной.

– Мне теперь кажется, что он и не пьян вовсе, – тихим голосом сказала Ингрид, вслушиваясь в стук шагов. – Его разозлила моя жалоба Даниэлю.

Отец все приближался. Он остановился возле двери в библиотеку и нажал на ручку. Троица скорее забежала в тайный коридор, который вел вниз – на кухню. Шум и суэта слышалась теперь во всём поместье. Крик отца разбудил слуг и рыцарей.

С одним магическим шаром Ингрид, Киллиан и Карл спускались по темному коридору, пропахшему сыростью и золой. Что-то шуршало под ногами. Ход будто был бесконечно долгим, и им казалось, что они провели в нем вечность. Наконец, троица вышла в просторное помещение кухни, ещё жаркой и душной. Печи были раскаленными, хотя уходившие повара потушили огонь. Карл взял из шкафа нож с покрытым серебром остриём, самый лучший из всех, которые только были на кухне. Он легко резал практически любое блюдо.

– Если мы поспорим, мне нужен весомый аргумент, – объяснил Карл. Возражать никто не стал.

Шум и суэта стали ещё более громкими. Теперь разобрать шаги отца среди топота множества ног не представлялось возможным. Троица застыла, пытаясь сориентироваться. Возможно, стоило уйти на улицу, возможно, вернуться на второй этаж.

– Кто-то должен разведать обстановку, – предложил Карл. – Пока оставайтесь здесь.

Он быстрым шагом вышел прочь, едва брат и сестра успели хоть что-то сделать, чтобы его остановить.

– Надеюсь, он быстро вернётся, – Ингрид обхватила руку Киллиана и вся обратилась в слух, чуткая, как увидевшая охотников лань.

– Наверное, второй аргумент не повредит, – заметил Киллиан, взяв из шкафа второй нож, тот, что был проще. Им только и оставалось, что ждать Карла с новостями.

Уже через пару минут дверь на кухню открылась, но на пороге возник вовсе не Карл. Отец, бледный, с искаженным от нечеловеческой злобы лицом, двинулся к ним неспешным шагом.

– Беги, – прошептал Киллиан, и Ингрид, отмерев, бросилась на улицу. Она бежала, не оглядываясь, не разбирая дороги. Ноги несли ее мимо разноцветных клумб и кустарников к пруду. Лишь у самой глади воды девушка остановилась, не зная, как поступить. Все поместье будто горело, в стольких окнах разом зажгли свет. Вокруг никого не было, однако в каждом шорохе Ингрид слышала тяжелую поступь отца. Ей бы хотелось, чтобы братья были рядом.

Девушка села на окованную железом скамейку, спрятавшуюся за кустом шиповника. Она доверилась своим ощущениям. Ветер гладил ее лицо холодными пальцами, будто пытаясь успокоить, с легким плеском в пруд прыгнула лягушка. Некоторое время Ингрид не слышала других звуков. Ей казалось, что она сидела так уже всю ночь. Однако вскоре послышались шаги, причём, как минимум двух людей. Сердце пропустило удар. Страх липкими пальцами сжал горло, не давая вздохнуть. Он сковал ее по рукам и ногам, и ей только и оставалось, что ждать конца.

– Ты здесь, Ингрид, – послышался знакомый радостный голос. Уже через секунду Ингрид обнаружила себя в крепких объятиях Киллиана. Рядом, неловко переминаясь с ноги на ногу, стоял Карл.

– Я не понимаю, что происходит, – Карл сел на скамейку и уставился невидящим взглядом на потревоженную ветром гладь пруда. – Там, в коридоре, я видел слуг. Дворецкий мертв. Ещё пара рыцарей лежали без сознания. Разумеется, они ничего не могут сделать отцу. Но как они допустили это?

– Я тоже не понимаю, – Киллиан остался стоять рядом, задумчиво почесав подбородок. – Как отец узнал, где нас искать? И откуда у него силы справиться с рыцарями? Совершенно точно он трезв. Но это ничего не объясняет. Давайте уедем. Возьмем лошадей и поедем к Даниэлю. У него можно остаться хотя бы на эту ночь.

Конюшня располагалась на заднем дворе, погруженном во тьму. Осторожно, озираясь по сторонам и каждую секунду ожидая нападения, тройца кралась от дерева к дереву, от куста к кусту, стараясь не попадаться на глаза. Карл первым распахнул дверь, и запах сырого сена и конского пота забился в нос. Негромкое ржание донеслось из тьмы. Ещё две лошади застучали копытами.

– Они не спят, – заметил Киллиан, желая предупредить. – Точно ли мы их разбудили?

– Ты задаёшь верные вопросы, сын. Жаль, в остальном вы все ошиблись.

Отец появился из тьмы очень быстро, и бледный лунный свет показал, как он вышел из конюшни.

– Я знал, что вы захотите сбежать, – продолжил он сквозь зубы. Казалось, злость внутри него только усилилась. – Вы бы знали, как сильно я вас ненавижу. Всех вас.

Отец удивительно резво двигался, совсем не так, как двигался вчера. Одним прыжком он преодолел расстояние, отделявшее его от собственных детей. Тогда в лунном свете тройца впервые поймала взгляд его налитых кровью глаз, сосредоточенных на них. Казалось, отец даже не моргал. Зрачки его заметно сузились, как у хищника.

– Ненавижу, – процедил отец сквозь зубы. Он сделал ещё один шаг и замахнулся, но Карл вовремя встал на его пути, перехватив руку и крепко сжав за запястье. Однако отца это лишь больше раззадорило. Он замахнулся левой рукой, и Карл вновь поймал ее, но не ожидал удара коленом в живот и согнулся пополам, закашлявшись. Отец освободился. Он продолжил бить с трудом сопротивляющегося Карла. Оценив ситуацию, Киллиан взял отца за плечи и, приложив усилия, оттащил подальше, увернувшись от прямого удара. Карл выпрямился, расправил плечи, сжав зубы от боли, но стараясь не показывать собственной слабости.

– Вдвоем! – воскликнул младший из братьев. Киллиан одновременно с Карлом накинудись на отца и, не давая ему возможности защититься руками, практически вместе атаковали. Удары прилетали в грудь, в живот, по лицу, лишь бы дезориентировать его. Отец стойко выдерживал избиение, однако, сбитый с толку, на некоторое время безвольно повис в руках сыновей. Затем собрался с силами и так резко выдернул руки, что Карл и Киллиан упустили его. Отец ушёл в глухую оборону, но смог защититься от двоих. От одного увернулся, блокировал, отступил на шаг. Ингрид, внимательно следившая за боем, увидела блеск втоптанного в землю почти наполовину ножа. Должно быть, Карл обронил его в самом начале драки.

– Лови! – крикнула она, бросив нож прямо под ноги Киллиану. Увернувшись, он поднял оружие, бывшее когда-то столовым прибором. Карл со всей силы толкнул отца, вышибая воздух из легких, и Киллиан бросил нож, целясь в грудь. Серебряное лезвие вонзилось чуть ниже ключицы. Отец пошатнулся, растерянный, а затем все же рухнул на землю. Он не корчился от боли, его лицо выражало лишь непонимание, смешанное со страхом. Кровь пропитала его рубашку и пиджак.

– Что я здесь..? – отец закашлялся, не успев договорить. Голос его звучал хрипло и слабо. Вместе с кашлем он забрызгал себя кровью. Отец протянул руку к Ингрид, которая стояла позади, и хотел что-то сказать, но не успел. Его сердце остановилось.

– Мы ведь только что убили отца, – вслух высказал то, что не хотел произносить никто более, Карл. Его слова с тяжелым грохотом упали на землю, подняв тучи пыли. На некоторое время воцарилось молчание. Киллиан вытер рукоять ножа платком, однако из груди его не вынул.

– Никто ничего не видел, – негромким, но твердым голосом объяснил он, будто стараясь убедить в этом остальных. – Мы были в библиотеке всю ночь, труп увидели только утром. Отец вел себя агрессивно, это видели все слуги. Кто-то из них и убил его. Поклянитесь, что мы не расскажем никому о том, что здесь сегодня произошло.

– Клянусь, – Карл положил свою ладонь на ладонь брата, едва тот вытянул руку.

– Клянусь, – Ингрид сделала то же самое.

Они замели следы и, надеясь, что никто не увидел их в окно, скрылись в поместье, очистив обувь от грязи. Всё должно было выглядеть так, будто троица не покидала дом той ночью.

Часть 6. Вампир ещё жив

Наутро служанка разбудила Киллиана, постучавшись в дверь его спальни. Эдлер, накинув рубашку и брюки, неспешным шагом, пытаясь смахнуть остатки сна, вышел в коридор. Молоденькая хрупкая горничная, дрожащая от страха, со слезами в широко распахнутых глазах, заплетающимся языком вымолвила:

– П-простите, г... господин. У конюшни т-труп. П-простите пожалуйста.

Она расплакалась, не в силах больше сдерживать себя. Киллиан собрал все силы в кулак. Как он и полагал, труп нашли. Нужно было сыграть удивление, чтобы отвести от себя подозрение.

– Успокойся и отведи меня, – уверенным голосом ответил Эдлер, стараясь достучаться до горничной. Девушка рассеянно кивнула и повела своего господина на задний двор. У конюшни лежал труп отца, из его груди торчал нож. Его кожа уже посинела. Кровь пропитала одежду, землю рядом, ее брызги попали на лоб, волосы и подбородок. Лицо отца все так же застыло маской страха и удивления. Киллиан пошатнулся, застыл в растерянности, не зная, куда себя деть. Он приложил руку к груди, выдохнул с шумом и склонился над холодным трупом отца.

– Позови дворецкого, – приказал Эдлер сорвавшимся на хрип голосом.

– Дворецкий мертв, – горничная замотала головой. – Это ужасно.

Она вновь расплакалась, казавшаяся ещё более хрупкой и незащитной, и обняла себя.

– Тогда сэра Томаса, – ответил Киллиан уже более уверенно, будто бы совладав с собой.

Едва горничная убежала, спотыкаясь и всхлипывая, на некоторое время Эдлер смог выдохнуть. Он стоял возле трупа отца, которого убил собственной рукой, и совершенно ясно понимал, что не испытывал ни чувства вины, ни грусти. Как хороший сын, Киллиан должен был ощутить хоть что-то. Однако с отцом он никогда не был близок. Его смерть не вызывала в Эдлере ничего, кроме досады. Не было жаль.

– Возможно, что-то не так со мной, а не с отцом, – пронеслась мысль. Однако Киллиан не успел обдумать это. Сэр Томас в компании горничной подошёл к нему и, выпрямившись, приложил ладонь к виску.

– Господин, вчера мои рыцари пытались его обезвредить, – доложил рыцарь со свойственной ему лаконичностью и холодной вежливостью. – В суматохе мы упустили вашего отца.

– Значит, вы не имеете ни малейшего представления, кто его убил? – осведомился Киллиан, осторожно прошупывая почву. Сэр Томас молча кивнул.

– Нужно разобраться, что произошло, – продолжил Киллиан. – Езжайте в город, сэр Томас, оповестите гвардо.

Рыцарь поклонился и, выпрямившись, расправив плечи, ушёл исполнять приказ, не выказав никаких эмоций. Людям вроде него, пожалуй, несвойственно было обнажать перед кем-то истинные чувства. За столько лет службы сэр Томас привык оставаться бесстрастным. Уже немолодой, седовласый, с изрезанным морщинами худым загорелым лицом, он все ещё не терял внутренний стержень, помогавший ему оставаться главным рыцарем поместья.

Пока сэр Томас ездил в город, успели проснуться Карл и Ингрид. Вся троица собралась за завтраком, стараясь не говорить друг с другом лишний раз, ведь они не могли обойти убийство отца. Необычайная напряженная тишина нависла над залом. Отца не было в живых, но его дух незримо присутствовал где-то рядом, сопровождал каждого. Казалось, вот-вот поместье огласит его голос. Карл и Ингрид ждали, что Киллиан, как это обычно бывало, начнет разговор, втянет их и расслабит темой не о чем. Однако он молчал, задумчивый, растерянный.

– О чем ты задумался? – спросила Ингрид, когда окончательно устала от тишины. Киллиан перевел на нее взгляд, не сразу поняв, о чем она говорила.

– Скоро нужно будет собрать всю семью, устроить бал, – ответил он так, что все поняли, что не об этом были его мысли. – Такова традиция, и я понимаю, но, скажем так, это будет напряженное время. Вы помните наших тётушек и дядю?

Карл и Ингрид переглянулись неуверенно.

– Я помню и тетю Элизу, и тетю Эмили, – признала Ингрид. – И дядю Элиаса.

– А ведь есть ещё младшие братья деда, – напомнил Киллиан. – У нас огромная семья, а мы не знаем и ее половины. Когда в последний раз хоть кто-то из них приезжал в гости?

– Год назад, – припомнил Карл. – Тетя Элиза приезжала со своим мужем и детьми. Вроде они наши ровесники.

– Да, но у нее есть и младший сын. Ему вроде сейчас девять. У тети Эмили два сына чуть младше нас, – продолжил Киллиан. – Вот у дяди Элиаса недавно родился сын. Или не у него? Я запутался. Может мне в будущем вообще без детей обойтись? Нас итак много.

Ингрид усмехнулась, похлопав брата по плечу:

– Нет, дорогой мой, ты этой участи не избежишь. Ты теперь глава семьи.

– Да-да, брат, – добавил Карл. – Это я могу быть хоть всю жизнь холостяком, но не ты.

– Да хватит вам по больному, – Киллиан спрятал голову в ладонях, хотя его обида была наигранной.

– Женишься, будет у тебя семь детей. Нет, десять, – Ингрид продолжала добивать, чтобы избавиться себя от неприятных мыслей. Она вдруг вспомнила, что Киллиану придётся жениться, ведь семье необходим наследник. Но как же будет чувствовать себя Ингрид? Как ей свыкнуться со своими чувствами? Она попыталась отбросить мысли. Пока Киллиан жениться не собирался, можно было насладиться своими чувствами.

– Ты специально меня добиваешь? – Киллиан буквально взмолился. – Ты, конечно, можешь иметь хоть двенадцать детей. Для меня это слишком много. Это же всем нужно уделить внимание.

– Зато ни минуты одиночества, – заметил Карл. – Я бы хотел большую семью. Есть в этом что-то.

– Чтобы потом глава семьи мучился их всех приглашать, – Киллиан закатил глаза.

– Ты угадал мой план, – Карл рассмеялся. Все же Киллиану снова удалось увести их в сторону непринужденного разговора. Возможно, дело было в том, что они сами ужасно хотели отвлечься.

После завтрака в поместье прибыл глава гвардии всего Альвора Ульрих Фогель. Это был ещё нестарый худой мужчина невысокого роста, державшийся уверенно и спокойно. Движения его казались изящными и неспешными. Ульрих выглядел совсем незаметным на фоне высоких крепких гвардей, но это нисколько его не смущало. Он прямо с порога попросил провести его к убитому и долго рассматривал нож, торчавший из груди Эльмара. Затем осторожно вынул оружие. Серебряный клинок был испачкан не только в крови, но в черной густой жидкости, отлипающей с хлюпающим неприятным звуком и мгновенно впитывавшейся в землю.

– Он был вампиром, – резюмировал Ульрих. – Когда вы это заметили?

– Мы об этом не знали, – ответил Киллиан, удивленный и разочарованный тем фактом, что не догадался сразу. – Он пришёл домой вчера ночью чем-то очень разозлённый. Наверное, вампиром он стал вчера.

– Кто такой вампир? – спросила Ингрид, не читавшая книг о всякой нечисти. Она почувствовала себя потерянной. Ульрих убрал нож в мешочек, который подвязал к поясу, прежде чем ответить:

– Это человек, пораженный темным проклятием. Проклятие прикрепляется к груди и высасывает силы. Одновременно у человека появляется необъяснимая громадная злоба, и он перестаёт понимать, что делает. Да, его силы, скорость и ловкость увеличиваются, равно как и время жизни, но он обречен жить со злобой ко всему живому и постоянно убивать, чтобы добыть кровь и силу и не умереть. Убить вампира можно лишь воткнув в его грудь серебряный клинок.

– И нет другого способа избавиться от проклятия? – Ингрид взглянула на тело отца совсем иначе. Ульрих обреченно покачал головой:

– Чисто теоретически есть, но безопаснее и легче убить. Говорят, есть ритуал с использованием артефактов, только это долго и вряд ли возымеет эффект. Рыцари знают, что делать, если встретить вампира. Наверное, кто-то из ваших рыцарей защитил вас таким образом от вампира. В таком случае наказывать некого, согласно указу короля Альвора о применении силы в отношении вампиров. Другой вопрос заключается в том, что вчера вампир наложил на вашего отца проклятие, а значит он до сих пор где-то недалеко от поместья. Нужно найти его. Этим мы и займемся. Вы позволите взять в помощники ваших рыцарей?

– Рыцари дома Эдлер в вашем распоряжении, сэр Фогель, – ответил Киллиан. Ульрих поклонился и направился прочь, оставив троицу. Вскоре рыцари унесли труп отца, и лишь примятая трава и следы на земле ещё напоминали о том, что он лежал здесь всю ночь. Киллиан проводил его долгим взглядом, вернувшись в мир мыслей. Точнее, попытавшись вновь понять свои чувства. Ему не нравилось то, что он ничего не испытывал. Киллиан должен был, как хороший сын, расстроиться, возможно даже расплакаться, умереть внутри, чтобы спустя долгие месяцы вновь воскреснуть с пониманием, что жизнь продолжалась. Однако ничего такого не происходило.

– Нам нужно самим найти этого вампира, – из мыслей его вытянул уверенный голос Карла.

– Не стоит, – не согласился Киллиан, покачав головой. – Этим делом занялись гвардия. Мы только будем мешать. Да и к тому же, мы ничего не знаем о вампирах.

Карл подошёл ближе, устремив немигающий твердый взгляд карих глаз прямо на брата:

– Брат, это наш дом. Значит, на нас лежит ответственность его защитить. Если ты не хочешь искать вампира, я этим займусь.

– Хорошо, – сдался Киллиан, отступив на шаг и опустив голову, ведь не смог выдержать взгляд Карла. – Я не могу позволить тебе искать вампира в одиночку.

– И я не позволю, – вмешалась Ингрид. Она, конечно, боялась, но не могла остаться в стороне, когда ее братья занялись столь опасным делом.

– Нет! – дружно воскликнули Карл и Киллиан, но Ингрид в ответ посмотрела на них исподлобья, сжав кулаки:

– Я буду рядом с вами всегда. Даже если вы захотите запереть меня где-то, я выберусь и найду вас обоих. И вам это очень не понравится.

Киллиану и Карлу пришлось сдаться. Они не могли никак повлиять на решение Ингрид, настроенной столь твердо, хоть и считали, что ей лучше было оставаться в безопасности.

– Давайте спросим слуг, куда отец уходил вчера вечером, – предложил Киллиан.

Большая часть слуг была занята. С появлением в поместье гвардо шума и суеты стало на порядок больше. Люди в синей форме ходили по саду, по коридорам дома, внимательно осматриваясь, ища хоть какую-нибудь зацепку. Они мешали горничным мыть полы, поварам – готовить обед, а рыцарям – нести службу. Однако никто не смел возмущаться. Новость о вампире достигла уже ушей каждого, и все, пораженные страхом, молились, чтобы тьма ушла из поместья. Вокруг теперь ходили пестрыми толпами люди с серьезными или застывшими в ужасе лицами, то и дело сталкиваясь, как волны в бушующем море, а затем расходясь. Монотонный гул, поначалу казавшийся оглушающим, был тогда похож на жужжание множества пчёл. Ингрид, Киллиан и Карл привыкли, что обыкновенно в поместье царила тишина. Суета сбивала их с толку, однако они старались сосредоточиться на новом деле. Мысли о смерти отца отошли на второй план.

Одна из горничных поведала, что видела Эльмара спускающимся в подвал поздним вечером. Не сдержавшись даже перед видом господ, она спросила полусшепотом, постоянно озираясь по сторонам, будто их разговор был каким-то секретом для остальных:

– Скажите, правда, что вампир может быть где-то здесь, господин?

– Вампир мог уйти, – ответил Киллиан холодно. – Гвардо здесь, чтобы узнать, где он спрятался. Однако первая версия такова – он не посмел бы проникнуть в поместье.

Оставив горничную, троица направилась к скрипучей узкой лестнице в подвал с торчащими в неожиданных местах ржавыми гвоздями и кое-где сгнившими от сырости досками. Запах пыли и старины ударил в нос. Этим ходом не пользовался никто, кроме отца. Они осторожно спустились по крутым ступеням, держась одной рукой за шатающиеся перила. Покрытый ковром из пыли и каменной крошки, шуршавшей под ногами, деревянный пол осветил магический шар. Шар бросил лучи во тьму огромного подвала, но они затерялись, поглощенные чернотой. В подвале хранились вещи, которые давно уже не использовали. Ненужные, забытые, сваленные в кучу, покрытые пылью времени, они напрасно ждали своего часа. Троица находила среди них свои колыбели, сломанные игрушки и даже портреты. Один из них, прислоненный к стене, скрытый от всякого света плотной черной тканью, принадлежал матери. Ирен сидела в кресле, гордо подняв голову, улыбаясь, а Эльмар стоял позади, положив руки на ее хрупкие плечи. Они выглядели счастливыми, и особенно отец, вечно хмурый, не был похож на себя самого, словно кто-то незнакомый с такой нежностью смотрел на мать.

– Это, кажется, ее единственный портрет, – Ингрид первой нарушила тишину, но ее голос потонул в огромном пространстве подвала. Она подумала вдруг, что действительно была похожа на мать. Те же густые темно-русые волосы волнами падали на узкие плечи, те же карие глаза смотрели на мир с осторожным любопытством, то же худое лицо с мягкими красивыми чертами досталось ей, отражая внутреннюю нежность и хрупкость. Ингрид не помнила мать, но отец всегда говорил, насколько они похожи. Поначалу ее это радовало, пока любовь отца к ней не переросла во что-то опасное и темное.

– Отец приказал уничтожить остальные, – объяснил Киллиан. – Мне об этом сказал Андерс.

Киллиан каждый раз испытывал необъяснимый трепет, когда речь заходила о матери. Он не видел ее, но все же любил. Возможно, дело было в рассказах отца. Тот часто повторял:

– Она пожертвовала жизнью, чтобы жил ты, – и Киллиан старался быть примерным послушным сыном, лишь бы оправдать ее жертву.

– Отсюда отец мог пойти только в одно место, – отряхнувшись мысленно от воспомина-ний, сказал он вслух. – Давайте и мы пойдем в склеп.

– погоди, здесь ты, – Карл указал на ещё одну картину. Киллиан на ней был ещё маль-чиком лет девяти-десяти. Он, в костюме для верховой езды, с коротким мечом в руке, стоял рядом с отцом, сосредоточенный, даже слишком суровый для ребёнка. Киллиан рассмеялся:

– Эта картина – лишь одна из серии шедевров «Несбыточные мечты отца». Наверное, остальные стоят здесь же, где им самое место.

– Я ещё помню, как они висели на лестнице, – Карл вновь прислонил картину к стене и, отряхнув руки, взял шар. Путь их продолжился по узкому коридору, соединявшему поместье и семейный склеп.

– Как хорошо, что они теперь там не висят, – заметил Киллиан, и воцарилась тишина, нарушаемая лишь ворчанием потревоженного подвала.

В склепе их встретил беспорядок. Могила Ирен была опрокинута, по серому камню поползла угрожающего вида трещина. Несколько следов троица заметила на сырой земле вме-сте со втоптаннами в нее цветами.

– Одни из них отца, – заключил Киллиан. Карл указал на чужие следы от тяжелых боти-нок большого размера:

– Эти явно не его. Здесь он и встретил вампира. Наверное, между ними завязалась драка. Только куда этот вампир пошёл дальше? Если вышел в поле, мы его вряд ли найдём.

– Я тут подумала, – осторожно прервала поток размышлений Ингрид, опасливо покосив-шись на треснувший памятник. – Отец забыл закрыть дверь в склеп, а мы даже и не заметили.

Действительно, достаточно было лишь легко толкнуть окованную железом узкую дверь, чтобы войти.

– Вампир может быть в поместье, – резюмировал Карл. Хотя это итак уже стало понятно, поверить было тяжело и страшно.

Часть 7. Магическая рука помощи

Троица рассказала о своем открытии сэру Томасу и Ульриху Фогелю. Те отправили рыца-рей и гвардо прочесать особняк сверху донизу, добраться даже до тех комнат, которые нико-гда не использовались. Слугам приказали быть бдительными. Помощник дворецкого, Оливер, первая горничная и главный повар пересчитали своих подчинённых. Однако вампира нигде не было. То ли он затаился где-то в темном уголке, то ли впрямь той ночью ушёл в поле. Неиз-вестность раздражала и волновала. Ингрид, Киллиан и Карл на всякий случай держали рядом серебряные ножи. Их дом и до того не был уютным, а с появлением новости о вампире начал пугать. Не меньше волновали гвардо и рыцари, дежурившие днем и ночью возле покоев хозяев поместья и ходившие по коридору, прислушиваясь к звукам. Ещё несколько стояли в саду. Перемены казались слишком резкими, и никто из троицы не мог в первое время привыкнуть. Хотелось поскорее покончить с вампиром и забыть историю как страшный сон.

Следующим днём Карл вновь ушёл в склеп искать хоть какие-то зацепки сразу после завтрака. Он больше всех не мог привыкнуть к суете. Ингрид же поднялась на второй этаж и в библиотеке увидела Киллиана. Он как раз заканчивал с письмом.

– Это кому? – полюбопытствовала она, усевшись рядом. Мысли о собственных чувствах ещё не покинули ее, но заметно притупились. Больше девушку волновал вампир.

– Паулю Кляйну, – обернувшись, ответил Киллиан. – Он заверял завещание отца и дол-жен прочесть его при всей нашей семье. Сейчас мы не можем обеспечить безопасность гостей, так что я хотел сказать ему, что чтение завещания переносится.

– Верно, – Ингрид живо кивнула, быстрым движением забрав письмо себе и пробежавшись по строчкам, написанным аккуратным мелким почерком с небольшим наклоном вправо. – Лучше нам не рисковать, пока мы не убьём вампира. И эти гвардо в коридорах будут всех нервировать.

Киллиан положил письмо в конверт и оставил восковую печать с гербом дома – гордым орлом.

– Ты права. Я надеюсь, мы поймаем вампира как можно скорее. Теперь наша семья временно без главы, а это может очень сильно помешать. И я даже не про кого-нибудь из родственников, решившего объявить свои права.

Ингрид задумалась. Брат был прав. Лишенная главы семья становилась гораздо более слабой. Никто не мог защитить ее интересы перед короной и другими аристократами. По хорошему, Киллиан должен был вступить в наследство как можно скорее.

– А ты готов стать главой семьи? – сама от себя не ожидая, спросила Ингрид и тут же опустила голову, смутившись. Прозвучало это несколько грубо. Впрочем, Киллиан не обратил внимания на тон:

– Я готовился к этому всю жизнь, но не думал, что мое вступление в наследство произойдет так. Разумеется, я знаю, что буду делать.

Ингрид придвинулась ближе. Ее лицо выразило любопытство. Киллиан лишь вскользь упомянул свои планы.

– И что ты будешь делать?

– Я хочу поступить на службу к советнику по вопросам мира, – не без гордости ответил Киллиан. – Ты, конечно, знаешь. Он поддерживает связь с другими странами. Если у нашей семьи будут знакомства в Ричстершире или Марилье, это очень сильно поможет. Ещё можно купить порт в Хауне. Туда постоянно прибывают торговцы из Ричстершира, которые платят пошлину. Ну и...

– А что насчёт нас с Карлом? – Ингрид решила прервать брата на полуслове, чтобы задать важный для нее самый вопрос. Киллиан поднял бровь в легком удивлении и даже помедлил с ответом, желая лучше его обдумать. Он, конечно, понял, что сестра имела ввиду, но был твердо уверен, что не имел права распоряжаться ее жизнью или жизнью Карла. Ему казалось это неправильным.

– Какие планы я вообще могу иметь на вас? – Киллиан улыбнулся. – Я думал, Карл станет гвардо, а ты... Ты вольна делать то, что хочешь. Я могу предложить тебе какого-нибудь полезного жениха, но принуждать тебя выйти за него уже не в праве.

– Отец так никого мне и не выбрал. Он хотел удержать меня возле себя, – ответила Ингрид, сжав в пальцах толстую ткань своего платья. – А я уже люблю.

Признание вылетело как-то само, Ингрид даже не обдумывала, как бы лучше к нему подойти. Киллиан взял ладони сестры в свои. Его глаза заблестели от любопытства:

– Ты ведь можешь сказать, кто это?

– Ты, – так просто, без долгих раздумий и мучений, без сомнений, рождавшихся из-за промедления. Ингрид ничего не могла поделать с собой и со своими чувствами, а потому ей оставалось лишь озвучить их, надеясь на благосклонность. Она призналась в едином порыве, не давая себе времени подготовиться. Не было никакого смысла тянуть. Сердце быстрее забилося в груди, дыхание участилось. Разумеется, девушка волновалась. Однако самое главное уже слетело с ее губ. Раздумья бы лишь всё испортили. Ингрид хотела признаться до того, как судьба разведет их окончательно, чтобы насладиться временем, которое они могли провести вместе. Страх и любовь подгоняли ее, давили.

– Я давно хотела сказать об этом, – торопливо объяснила Ингрид, пока Киллиан ещё не начал обдумывать и не пытался понять ее слова по-своему. – Я люблю тебя не как брата, а как мужчину. Не думай, что я шучу. Я не умею шутить о своих чувствах, тем более к тебе. Ты

столько раз поддерживал меня, что я, наверное, не удержалась. Между нами слишком много всего.

Киллиан молчал. Каждая секунда тишины рождала в Ингрид сомнения. Она уже начала было корить себя за столь поспешное признание, когда брат, наконец, ответил, собравшись с мыслями. Но ответил не словами. Придвинувшись ближе, касаясь коленями ног сестры, он наклонился и поцеловал ее в губы. Поцелуй его был наполнен осторожности и нежности, ещё робкий, почти невесомый. Однако, стоило Ингрид ответить, обрел силу и даже страсть. Несмотря на неясное, покрытое туманом будущее, несмотря на тревоги, они почувствовали себя самыми счастливыми в тот момент, когда преграда между ними исчезла. Поцелуй длился недолго. Оба отстранились, когда суета в коридоре разрушила магию, возникшую в поцелуе.

– Что бы ни случилось, я буду тебя любить. Обещаю, – прошептал Киллиан, обжигая ухо сестры теплым дыханием. Ингрид не сомневалась, что так и будет. Она привыкла доверять брату во всём.

– Знаешь, – добавил он немного погодя, – я тоже хотел сказать тебе об этом, только по-другому.

Киллиан взял сестру за руку и, положив конверт в карман, повел ее в свою комнату. Там из платяного шкафа, забитого книгами, достал одну в яркой новой обложке. Это был любовный роман. Ингрид приняла его и с удивлением обнаружила, что между некоторыми листами что-то лежало. Она открыла книгу, сразу же приметив цветок и маленькую записку.

– Так сильно я люблю тебя,

Что не передам словами.

И ничего не утая,

Того, что между нами,

Вернусь к тебе своими мечтами, – дальше Ингрид читала про себя, тронутая написанным. Ей никто ещё не писал стихов и, справедливости ради, не признавался в любви до гроба. Руки ее подрагивали от волнения. Девушка забыла обо всём: и о вампире, и о мыслях о будущем. Лишь подарок и собственные чувства волновали ее. Ещё через несколько страниц обнаружились совсем лаконичная записка «Твоя красота подобна рассвету – такая же яркая и врезающаяся в память» и серебряное кольцо, образованное из будто бы переплетающихся лоз, увенчанное бриллиантом. Оно упало бы, если бы Ингрид не держала книгу на коленях.

– Я очень счастлива получить от тебя такой подарок, – с трудом подобрав слова, ибо они все казались слишком сухими, чтобы выразить ее эмоции, сказала девушка. Она положила книгу на кровать, даже не просмотрев и половины вложенных сюрпризов, чтобы сестра на колени брата и вновь поцеловать его в благодарность, добавив прежде:

– Я не знала, что ты настоящий романтик.

– Не было повода это показать, – полушутливо ответил Киллиан, притянув Ингрид и прижав крепче. – Я не был уверен, как ты отнесешься к моему подарку.

– А я ведь до сих пор храню всё то, что ты мне дарил, – Ингрид заметила с легкой усмешкой на губах. – Неужели у тебя не так же?

– А ты посмотри вон туда, – Киллиан указал на стену возле кровати, где висел его чёрно-белый портрет, который Ингрид долго рисовала, истратив целую стопку листов. Почему-то ее так тронуло, что ее подарок брат до сих пор хранил у себя. Она понимала, что могла бы многое переделать в том портрете, однако он повесил его на самое видное место.

Их взаимные чувства оказались самым надежным убежищем от всех тревог внешнего мира, хотя и совсем ненадолго. Охваченные любовью друг к другу, они потеряли счёт времени и перестали слышать суету в коридоре. Все вокруг стало несущественным. Разумеется, они понимали, что мечты на совместное будущее обречены и что есть нечто неправильное в их отношениях. Однако отравлять счастливый момент мыслями об этом не хотелось. Ингрид

думала, что нужно было отдаться чувствам и быть рядом столько, сколько позволит судьба. И судьба позволила остаться наедине лишь до обеда.

За столом отчаянно приходилось притворяться, что всё было как прежде и что нет никаких секретов, которые Карл знать не должен. Он как раз рассказывал о поисках вампира, и его голос казался разочарованным:

– Мы так и не нашли никаких зацепок, – несколько обреченным был вид Карла, ссутулившегося, опустившего взгляд в тарелку. – Этот вампир как сквозь землю провалился.

В его словах ощущалась тревожность, быстро передававшаяся остальным. Хотелось до последнего верить, что вампир сбежал и не нападет ни на кого больше ночью. С другой стороны, поймать его было необходимо, чтобы обезопасить домочадцев.

– Будь у нас маг, он бы нашёл его по темному следу, – заметил вошедший в зал Ульрих, по случаю переодевшись и причесавшись. Киллиан передал ему приглашение через помощника дворецкого.

– А среди гвардо нет мага? – на всякий случай уточнил Киллиан с осторожным любопытством. У него было пару миллионов вопросов, которые он хотел бы задать магу. Ульрих задумался:

– В Альворе живёт не так много магов. У нас нет сильной магической школы. Можно попросить приехать кого-нибудь из Ричстершира или Марильи, только придётся подождать.

– Мы можем подождать, – ответил Киллиан, – раз это необходимо. Я оплачу его работу и дорогу.

– Да будет так, – заключил Ульрих, прежде чем Карл успел возразить. Только решения Киллиана, почти ставшего герцогом, слушал глава гвардо.

После обеда Ульрих ушёл писать приглашение, а Карл, Киллиан и Ингрид остались в большой гостиной, чтобы ещё раз обсудить незавидное положение.

– Я бы не стал соглашаться на мага, – Карл занял место в кресле, откинувшись на спинку и закрыв глаза. Он весь день провел в поле в поисках следов вампира и даже не успел переодеться. Пожалуй, Карл единственный видел происходящее как приключение, похожее на одно из подобных в его любимых книгах. Там герои всегда справлялись сами благодаря упорству. К тому же, он боялся магии как чего-то необъяснимого и темного, а ещё неизученного. Он не знал, как рождались и как действовали заклинания.

– Неизвестно, сколько ещё мы будем искать иголку в стоге сена, – возразил Киллиан. – Если есть шанс точно определить, где находится вампир, мы обязаны им воспользоваться ради нашей же безопасности.

– И все же маги опасны, – не согласился Карл. – Не зря в Альворе магические практики были запрещены.

Киллиан покачал головой и ответил с большим энтузиазмом, будто тема касалась его самого:

– Были запрещены темные магические практики, например, заклинания крови или проклятия. Это делали люди, которые получили силы с помощью жертвоприношений или кристаллов. Маги от рождения могли пользоваться силой как и все, потому что от них была польза. Особенно от стихийников.

– И все равно лучше держаться от магии подальше, – Карл махнул рукой. У него закончились веские аргументы, остались лишь основанные на чём-то зыбком теории и собственная интуиция.

– Сейчас маг нам необходим, потому что мы зашли в тупик, – вмешалась в разговор Ингрид. Она хотела избавиться от вампира любым способом, даже если нужно было приглашать незнакомца в поместье. К тому же, в споре для нее уже не было смысла. Ульрих наверху писал приглашение. И только Ингрид вспомнила о Фогеле, как он будто из воздуха возник в дверях большой гостиной.

– Господа, я отдал приглашения своему помощнику. Одно на имя Чарльза Эгертона в Ричстершир, а другое – Патриции Моретти в Марилью. Осталось дожидаться ответа. Если не согласится один, то второй уж точно приедет.

Часть 8. Старый замок

Уже через два дня, используя порталы, чтобы скорее добраться до Альвора, прибыла принявшая приглашение Патриция Моретти. Ее карета рано утром остановилась возле парадного входа. Женщина поднялась по лестнице неспешно, разглядывая колонны, горгулий и зубчатые башни. В главном зале ее уже встретили Киллиан и Ульрих.

Патриция обладала холодной красотой ледяной скульптуры, слишком неестественной, будто выверенной рукой какого-то мастера. Черты ее худого лица были острыми, чересчур правильными, а фигура, скрытая синим обтянутым платьем, угловатой, как у подростка. Моретти выглядела лет на тридцать, но что-то, то ли взгляд ярко-синих глаз, то ли весь внешний облик, говорило, что она была гораздо старше. Она держалась уверенно и холодно, можно сказать, с некоторой надменностью. Однако первое впечатление разбилось, стоило ей заговорить:

– Ульрих, дорогой, – в низком голосе Патриции слышалось что-то теплое, – давно я не получала от тебя вестей. Думала, может быть, ты обиделся на меня.

Она вполне искренне рассмеялась, вероятно, собственным мыслям и крепко обняла Фогеля. Обычно в Альворе так не здоровались, но марильцы были людьми свободного нрава, так их воспитали жаркое солнце и отсутствие проблем.

– Да как бы я мог? На тебя невозможно обижаться, – принялся оправдываться Ульрих, явно смущенный таким теплым приветствием. На мгновение он напомнил юношу, старавшегося найти в себе силы и пригласить девушку, в которую давно влюблён. Фогель переминался с ноги на ногу и неловко улыбнулся. Он быстро выскользнул из объятий, и Патриция обратила внимание на Киллиана.

– Я рад приветствовать вас в поместье Эдлер, – Киллиан поклонился, почти невесомо коснувшись губами ладони Моретти и улыбнувшись ей обычной вежливой улыбкой. – Как доехали? Надеюсь, не устали с дороги.

– Устала и ужасно голодна, – честно ответила Патриция, внимательным любопытным взглядом оглядев своего собеседника. Киллиан старался держаться уверенно, хотя это был первый раз, когда он принимал кого-то. Обычно гостей встречал отец.

– Завтрак скоро подадут, – ответил он. – Пока я провожу вас в свободную комнату и скажу слугам, чтобы налили ванну.

– По дороге расскажете мне о деле. Хотя нет, не нужно. Не хочу слышать о вампирах до завтрака. Может быть, что-нибудь о Стрюгерне? Что лучше посетить?

Киллиан принялся рассказывать о ближайшем фестивале, о ярмарке с играми и бесплатной выпивкой. В общем, о чём-то, что не введет Патрицию в скуку. Удивительно, как точно он, используя интуицию, понял характер Моретти. Эдлер подумал, что человек вроде нее любил бы непременно шум и суету, хотя и не был в этом уверен. Однако Патриция слушала внимательно, не перебивая, и ее голубые глаза загорелись от любопытства ещё ярче.

– Обычно в таких случаях люди начинают рассказывать про древние замки, – все же заметила она, хотя «древние замки» произнесла пренебрежительно. – Я их уже столько насмотрелась.

– Это было бы слишком просто, – Киллиан пожал плечами. – Фестивали и ярмарки гораздо ярче. Или вы хотели послушать про древние замки? Я могу устроить вам небольшую, часа на два, лекцию.

– Творец упаси слушать лекции с утра. Давайте вернемся к ярмаркам. Вы не сводите меня туда, когда мы закончим с делом? – спросила Патриция, не имея явно ввиду ничего, кроме своего желания повеселиться.

– С удовольствием. Думаю, мои брат и сестра тоже захотят сходить, – радушно отозвался Киллиан. Патриция кивнула и, усмехнувшись, добавила:

– Мне сложно к вам на вы, лорд Эдлер. У вас нет вдруг чего-то, знаете, вроде имени?

Киллиан ответил, в точности скопировав несерьёзность тона.

– Возможно где-то заваялось. Я сейчас достану, если хотите, леди Моретти, – с этими словами он жестом ярмарочного фокусника достал целое ничего. – Мое имя Киллиан.

Жест заставил Патрицию улыбнуться гораздо более искренне.

– Тогда зови меня Патрицией, так уж и быть. Я думала, люди в Альворе гораздо скучнее.

– Все зависит от собеседника. Со скучным человеком я сам был бы скучным. С вами на порядок интереснее.

– Сочту за комплимент.

Проводив Патрицию до свободной гостевой комнаты, а их стало гораздо меньше с появлением гвардо, Киллиан оставил ее на попечение слуг и, выдохнув, ушёл было на кухню, как остановился на полпути, столкнувшись с Карлом.

– Она не выглядит опасной, согласись? – заметил Киллиан. Карл кивнул, впервые, пожалуй, обрадовавшись тому, что оказался не прав.

– Хочется верить. Я бы сам хотел ее встретить, но ты старше, поэтому тебе всё лучшее.

Киллиан негромко рассмеялся:

– Я посмотрю, как сильно ты будешь мне завидовать, когда я буду встречать родню. Ты помнишь, какая занудная тетя Эмили?

– И какими занудными выросли ее дети, – добавил Карл, закатив глаза. От воспоминаний о том, как тетя Эмили пыталась учить его этикету и делала замечания каждый раз, когда он бегал по лестнице, повеяло духотой. – Когда у меня будут дети, я разрешу им хоть по стенам бегать.

– Я с тобой согласен, брат, – ответил Киллиан, у которого тоже не было приятных воспоминаний о тёте. – Всё равно, сколько ваз они разобьют и сколько уроков прогуляют.

Со столь приятными мыслями о будущем оба спустились на первый этаж. В пиршественном зале вскоре накрыли завтрак. На столе стояли и яичница с беконом, и пирог с печенью, и булки с маслом и сыром, и даже икра, которая подавалась на стол только очень важным гостям. Это великолепие Патриция похвалила и, с удовольствием приступив к еде, поблагодарила Киллиана за столь теплый прием. Моретти быстро перевела внимание на Ингрид и Карла и подвижным взглядом будто бы перебежала от одной к другому. Ей явно было любопытно, что они из себя представляли. Под пристальным вниманием Ингрид чувствовала себя неловко, всё валилось из непослушных пальцев. Девушка не умела общаться с незнакомцами, редко начинала разговор первой и быстро смущалась, когда не знала, что следует ответить. У нее не было дебюта, не было множества балов за плечами. Отец не отпускал ее, ибо берег для себя. Ингрид старалась прислушиваться к разговорам, но сама молчала, ведь слова от волнения застревали в горле и не могли сорваться с сухих губ. Зато Карл был удивительно болтлив. Судя по горящему энтузиазмом взгляду и улыбке, ему Патриция понравилась. Поначалу он тщетно старался завести разговор о любовном романе, вероятно, предполагая, что Моретти зачитывалась ими, но получалось крайне неловко.

– Это не моя тема, – Патриция великодушно прервала его мучения со снисходительной улыбкой, наверняка посчитав происходящее забавным. – Я больше люблю истории о героях. Там, откуда я родом, про меня их написали немало.

Карл оживился ещё больше, и темп его речи увеличился настолько, что приходилось вслушиваться, чтобы понять, что он говорит. Разумеется, он волновался, краснел, проглатывал окончания, но едва ли замечал это.

– Какие истории о вас пишут? Расскажите хоть одну, – попросил Карл. Патриция задумалась, хотя гордость за себя явно завладела ею:

– Даже не знаю. Я слишком скромная для этого.

– Я уверен, вам с вашим героическим прошлым будет несложно справиться с несуществующей скромностью, – вмешался Киллиан. Патриция позволила себе широкую улыбку:

– Отнюдь. У меня есть скромность, просто она иногда засыпает. Давайте вернёмся к историям обо мне. Я расскажу, как победила Черного дракона. Его крылья заслоняли солнечный свет, его зубы были как мечи, а когти как копыя. Жар его огненного дыхания мог спалить целую деревню. Когда-то семь великих магов со всей тогда ещё Эллиии отправили его в спячку и запечатали, чтобы он не мог проснуться. Но, как это обычно бывает, какому-то умнику понадобилось выпустить дракона, чтобы создать хаос. Я и ещё шесть человек отправились спасать мир. Сказать бы, что цели у нас были благородными, но нет. Мы хотели только денег и славы.

Моретти целиком погрузилась в ту историю, и Ингрид, Киллиану и Карлу показалось на секунду, что они стали частью ее отряда. Стены столовой исчезли, уступив место пещере. Вместо люстры, украшенной мелкими бриллиантами, с потолка свисали сталактиты. Шум и суэта в коридоре стали ревом, а напекавшее спину солнце – дыханием. Маги создали перед собой щит, но огонь дракона обжег им руки. Они выстояли, не дрогнув, но мучаясь от невыносимой боли. Дракона отвлекали заклинаниями и ударами мечей и копий. Наконец, герои заметили, что дракон извергает пламя лишь спустя три секунды после того, как открывает рот. Высчитав нужный момент, лучник выстрелил ему в пасть дважды и покончил с ним. К счастью, дракон только проснулся и не обрел всей своей мощи. Поглощенные рассказом, Ингрид, Киллиан и Карл молчали, забыв на время и о завтраке, и о Патриции, и о вампире.

– Я это к чему, – добавила Моретти. – Не только к тому, что я такая смелая и сильная. У вашего вампира тоже есть слабость. Нужно суметь правильно ею воспользоваться.

После завтрака Патриция решила, наконец, заняться делом. Сначала она вынула карту окрестностей с верхней полки библиотечного шкафа и, быстро проложив взглядом дорогу с севера на юг, спросила:

– Что у вас на севере?

– Сразу за полем роща, – Киллиан указал на один из знаков на карте, располагавшийся выше поместья, – а за ней земли Финков.

– А на западе? – вновь любопытствовала Патриция.

– На западе старый замок. Когда-то младший брат нашего прадеда решил построить свой замок на тогда ещё свободных землях. Строительство заняло много лет, и он умер, не дождавшись окончания. У него не было сыновей, которые могли бы продолжить это дело, поэтому замок до сих пор не обжит. К тому же, говорят, что, раз уж брат нашего прадеда умер в том замке, его призрак точно должен был там появиться. Но это к слову.

Патриция задала ещё несколько вопросов о том, где и что находилось, лишь затем убрала карту и объяснила, наконец, чего пыталась добиться:

– Это на случай, если вампир сбежит, а он совершенно точно сбежит.

Моретти прислушалась. Вряд ли она могла бы услышать что-то в начавшейся вновь суете, особенно кошачьи шаги вампира. Женщина прижала руку к груди и вытщила, будто из кармана пиджака, крошечный огонёк.

– Темные маги провели бы ритуал, чтобы точно определить, где засел вампир. Я стихийник, а потому этого не умею. Придётся вам всем положиться на мое чутье.

Патриция проследовала сначала в необжитое крыло поместья, где обыкновенно никто не бывал, кроме горничных, раз в год прибиравшихся там, затем резко развернулась посреди коридора и спустилась на первый этаж. Чутьё вело ее к хлипкой деревянной лестнице в подвал. За ней следовали не только Ингрид, Киллиан и Карл, но и Ульрих с несколькими гвардо. Моретти обернулась, приложила палец к губам и первой, не касаясь ногами деревянных скрипучих ступеней, спустилась в большое пыльное помещение, пропахшее стариной и сыростью. Когда что-то вдруг зашуршало, Карл не выдержал и с оглушительным, казалось, шумом после-

давал за Патрицией, обнажив серебряный кинжал. Однако из одного темного угла в другой шмыгнула лишь крохотная тень мыши. Патриция закатила глаза:

– Твоего ж Творца. Ты всё испортил.

Она застыла, вслушиваясь в абсолютную тишину подвала, пока резко не обернулась. В суете, вызванной побегом мыши, чей-то темный силуэт выбежал в узкий коридор, ведущий в склеп. Моретти бросилась за ним. Те, кто остался наверху, тоже поспешили спуститься. Вампира легко было обнаружить на открытой местности, но ещё проще потерять из виду.

– Он все это время сидел в подвале, – сокрушенно заметила Ингрид, стараясь не отставать, – пока мы просто ждали и жили обычной жизнью.

Однако никто ей не ответил. Все были слишком поглощены погоней. Патриция первой выбежала из склепа в поле, поначалу сощурившись от яркого света. Она скорее сотворила заклинание, вызвавшее из-под земли целую стену из каменных копий, но вампир оказался слишком далеко, чтобы попасться. В спину ему прилетел воздушный поток, но не смог сбить с ног.

– Нужно подобраться ближе, – раздраженно воскликнула Моретти, ужасно раздосадованная двумя неудачами. Она видела, что вампир бежал к роще, и надеялась там применить несколько новых заклинаний. Ульрих и гвардо следовали за ней. Ингрид и Киллиан уже отставали, пока Карл ещё держался со всеми.

В роще троица, наконец, соединилась. Ингрид решила передохнуть, ведь ее ноги больше не могли двигаться и будто горели огнём. Она, задыхаясь, раскрасневшаяся, доползла до едва шедшего впереди Киллиана. Карл ещё бежал, но почти не поднимал ног, а потому споткнулся вскоре о торчавший из-под земли корень. Выдохались и гвардо, и Патриция, однако они убежали слишком далеко.

– Давайте отдохнём минуту, а потом... – Ингрид осеклась на полуслове, задохнувшись. Она прижалась спиной к стволу клёна и подняла голову, чтобы ветер немного охладил лицо. Звуки вокруг успокаивали ее. Не было ни громкого нестройного топота ног, ни криков, ни звона оружия. Только пели на разные лады птицы в густой листве клёнов, шуршали листьями ветви кустарников да стрекотали в траве у тропки кузнечики.

– Мы же упустим вампира, – запротестовал Карл, но с места не сдвинулся.

– Патриция или гвардо точно его поймут, – заверил Киллиан. Все трое тяжело дышали после долгого бега и никак не могли прийти в себя. Они постарались прислушаться к далекому уже шуму погони, однако роща быстро поглощала его.

Так прошла минута. Две. Пять. Троица немного восстановилась и собиралась уже нагнать остальных, как Карл уловил шорох. Он обернулся. Вампир, не заметив их, скрывшихся за зарослями шиповника, пробежал мимо трусцой. Наверное, он и сам устал тогда не меньше, но смог ненадолго запутать преследователей.

– Предупреди остальных, что он бежит в сторону старого замка, – Киллиан перевел взгляд на сестру. Ингрид кивнула и ушла туда, где ещё некоторое время назад слышался шум погони.

– Ты думаешь, он побежит к замку? – спросил Карл, стараясь не потерять из виду отдаляющуюся фигуру вампира.

– Я не уверен, но больше некуда.

Киллиан и Карл старались двигаться осторожно и незаметно по следам вампира, но было уже, пожалуй, слишком поздно. Их цель скрылась среди сомкнутых ветвей, образовавших низкий купол. Его следы обрывались, не впечатавшись на сухой потрескавшейся земле. Братья вошли под сень ветвей клёна и упорно искали хоть зацепку. Вампиру как-то удалось скрыться. Вряд ли он поменял направление, наверное, смог выскользнуть из рощи и бежал к замку, где укрыться было гораздо легче. Киллиан и Карл уже почти вышли в поле, но та же тишина окружала их. Ни Патриция, ни гвардо не приближались.

– Или он действительно сменил направление? – осторожно предположил Карл, и его вопрос с тяжелым грохотом рухнул на землю. Волнение охватило их обоих.

Братья вернулись в рощу и через некоторое время по следам из примятой травы, а затем и по полному злости крику Патриции нашли остальных. Они перемещались на запад, не обращая внимания на ветви, так и норовившие ударить их по лицу.

– Гаденыш! Мудачье вампирское! Чтоб его оборотень в жопу выебал! – кричала Моретти, не стесняясь в выражениях, и, обернувшись, бросила через плечо. – У него ваша сестра.

Волнение быстро переросло в азарт, давший ещё сил. Теперь догнать вампира им было жизненно необходимо. Братья отбросили переживания и в твердой уверенности перехватить вампира бежали за Патрицией, будто чьи-то руки подталкивали их в спину.

Вампира удалось обнаружить на территории старого замка, выглядевшего уж слишком просто для места, построенного для Эдлера. То была обычная серая крепость, состоявшая из четырёх башен, соединенных крытыми галереями, лишенная и намека на изящность. Замок казался совсем небольшим и приземистым по сравнению с поместьем. Стены его поросли мхом, сквозь трещины пробивались растения. Кое-где отчасти крыша уже обвалилась. Камень крошился от дождей и от времени, посылая земляной пол первого этажа. Внутри встретили пустые комнаты, совсем небольшие, если вспомнить о покоях и залах поместья. Однако из-за пустоты они казались просторнее.

– Разделимся, – предложил Ульрих. – Так будет быстрее осмотреть замок.

Чем дальше Киллиан и Карл, оказавшиеся вдруг вдвоём, шли, тем более жалким казался им замок. Перед богатым изящным поместьем, украшенным картинами и статуями, он будто был бедняком, вступившим на территорию аристократа.

– Куда он мог деть Ингрид? – сквозь зубы процедил Карл, сжав кулаки и с трудом сдерживая подступавшую к горлу злость. Только это волновало его, но никак не скудное убранство замка.

– Слушай внимательно, – посоветовал Киллиан. Он надеялся, что Ингрид сможет дать знак. Один лишь вскрик дал бы им многое. Только сестра упорно молчала. Молчал и замок, не желавший раскрывать свои тайны. Лишь от внезапного звона разбившегося предмета оба вздрогнули, не ожидавшие, и бросились на шум.

Полупрозрачная фигура, увидев братьев, последовала вперёд по освещенному солнцем коридору. Она принадлежала худому высокому мужчине с длинными волосами, ниспадавшими до пояса. Тяжелый плащ едва колыхался при каждом шаге, хотя, возможно, то была лишь иллюзия. Незнакомец обернулся, убедился, что Киллиан и Карл следовали за ним, и направился дальше.

– Это младший брат прадеда? – спросил Карл шепотом, надеясь, что фигура впереди не услышит его.

– Похоже на то, – ответил Киллиан. – Все-таки легенда не врала.

Зацепок больше не было, а потому, Карл и Киллиан, как зачарованные, следовали за призраком. Они не знали, выведет ли их брат прадеда хоть куда-то, но упорно отбрасывали мысли о плохом. Им хотелось, чтобы призрак довел их до Ингрид.

Меж тем, призрак повернул направо, спустился по лестнице и впервые обернулся к братьям лицом. Судя по внешнему виду, он ещё не был стар, лишь первые морщины тронули его лоб и лучиками отходили от глаз. Призрак приложил палец к губам и указал на запертую дверь. Киллиан и Карл молча кивнули.

– Давай, – прошептал Карл и резким движением открыл дверь, чтобы первым забежать внутрь. Киллиан последовал за братом. Они одновременно накинута на застигнутого врасплох вампира. Карл схватил его сзади, заломив руки за спину, а Киллиан ударил кинжалом в грудь. Их противник сопротивлялся, старался выбраться из крепкой хватки, но тщетно. Лишь затем Киллиан первым бросился к лежавшей на пыльном холодном полу Ингрид. Он поднял

ее голову и положил к себе на колени. Сестра дышала ровно, а значит была жива, лишь косая рана на ладони, из которой ещё сочилась кровь, говорила о том, что вампир успел напиться ее крови. Киллиан резким движением оторвал кусок ткани от рубашки, чтобы замотать рану сестры. У них не было ничего, чем ещё можно было помочь.

Ингрид дернулась. Она открыла глаза, поначалу поблуднев от страха, но вскоре смогла окончательно прийти в себя.

– Вы его убили? – спросила сестра. Карл помог ей подняться и указал на труп, распластавшийся на полу, раскинув руки и ноги.

– Всё закончилось, – мягким голосом заверил ее Киллиан. Он встал на ноги и, поддерживая сестру за плечо, помог ей выйти прочь из комнаты. Карл дал ей опереться о себя с другой стороны. Ингрид, молчаливая, ещё не понимавшая, что происходило вокруг, следовала за братьями как тряпичная кукла. В коридоре они встретились с Патрицией, ушедшей далеко от гвардо.

– Вампир мертв? – спросила она шепотом, будто не хотела, чтобы кто-то посторонний услышал ее. Карл молча кивнул.

– Ты ничего не чувствуешь, Ингрид? – Моретти подошла ближе и ткнула ее в грудь. – Вот здесь.

Ингрид не ответила. Судя по напряжению во всём теле, она прислушалась к ощущениям и стояла так с полминуты.

– Мне что-то мешает, – голос Ингрид ещё был слабым и тихим. Патриция кивнула, закусив губу:

– Внутри тебя проклятие. Такое же, как было у твоего отца, только гораздо слабее. Что-то прервало вампира, когда он совершал ритуал, так что часть темной магии не прикрепилась к тебе. Что ты помнишь?

Некоторое время назад, воспоминания Ингрид

Вампир грубо втолкнул Ингрид в одну из пустующих комнат, ту, что находилась дальше от входа. Они прошли целый лабиринт одинаковых серых коридоров, где пол скрылся за ковром каменной крошки, а стены пошли трещинами и поросли мхом. Вряд ли девушка имела хоть какой-то шанс запомнить путь. Вампир петлял, то поднимаясь, то спускаясь по лестнице, резко поворачивая, и, казалось, сам не понимал, куда двигался. Все комнаты в замке были похожи одна на другую: пустые, лишённые стекол в оконных проёмах, с низкими потолками. Возможно, если бы брат прадеда успел обставить свой замок мебелью, он выглядел бы уютнее, однако сложилось иначе. Пустота и всепоглощающая тишина делали это место холодным, одиноким, похожим больше на тюрьму.

Не удержав равновесие, Ингрид упала на грязный каменный пол, отчего в воздух взметнулись тучи пыли, осевшие на ее платье и волосах. Она попыталась опереться на локти и подняться, но вампир сел сверху, прижав колени к ее бокам.

– Вы, люди, в сущности жалкие, – сказал он, устремив немигающий взгляд на свою жертву. Ингрид не опустила глаза, напротив, нахмурилась и сжала кулаки, показав готовность сопротивляться. Хотя и сама понимала, что ей нечем ответить. Вампир поднес ее ладонь ближе и, вынув из-за пояса нож, провел по ней кончиком. Ингрид дернулась, но железная хватка похитителя не дала выбраться. Девушке было больно и страшно. Ей хотелось бы, чтобы Киллиан и Карл оказались в тот момент рядом. Она мысленно представила их стоящими у стены и будто наяву слышала голос:

– Всё хорошо, Ингрид.

Ингрид на мгновение закрыла глаза, и кто-то невесомо коснулся ее плеча, успокаивая. Она с угасающей надеждой в груди отдалась мимолетному ощущению, чтобы почувствовать себя в безопасности.

– Мы рядом, – вновь раздался голос совсем близко. И пусть Ингрид знала, что сама выдумала всё это, ей стало немного легче. Если братья были где-то рядом, они непременно должны ее спасти.

Вампир припал губами к ладони девушки, слизывая кровь с таким удовольствием, будто не было ничего вкуснее. Он долго водил своим сухим шершавым языком по коже, пока силой не заставил себя отпустить руку жертвы.

– Теперь я отомщу вам всем за то, что вы решили связаться со мной, и ты станешь орудием моей мести, – злоба вновь проскользнула в голосе вампира. – Скоро ты станешь противна самой себе. Ненависть ко всему живому, даже к себе, захватит тебя, и ты, скорее всего, умрешь от руки мага, гвардо или одного из родственников до конца этого дня.

Он вынул из груди черный сгусток и поднес его к груди Ингрид. Затем принялся водить по ее шее и ключицам кончиком ножа, однако, видимо, не желая ее ранить, и говорить что-то на древнем языке Эллии. Девушка чувствовала, как темная энергия охватывала его, бесцеремонно забиралась в душу и хозяйничала внутри. Страх уступал место злости на вампира. Хотелось ударить его за такую возмутительную дерзость. Ингрид уже подняла было руку, как оглушительный скрип двери заставил ее вздрогнуть от неожиданности. Вампир так и осекся на полуслове, схваченный Карлом.

Настоящее время

– Значит так и есть, – Патриция закусила губу, впервые, наверное, выразив неловкость. – Теоретически есть два способа вытащить это проклятие, но никто ими ещё не пользовался. Во-первых, можно найти светлый артефакт и поднести к груди, чтобы он притянул тёмную энергию. Вы, наверное, знаете о различиях темных и светлых артефактов. Дело во вложенной в него темной или светлой энергии и способе их защиты. Во-вторых, темный маг может вынуть проклятие и поместить в сосуд. Только в Альворе таких нет.

– А вы не можете вытащить это? – спросил Карл с надеждой, заглянув Моретти прямо в глаза. Она с сожалением покачала головой:

– Я не темный маг, поэтому не смогу притянуть проклятие. Всё, что я смогу сделать, это прислать вам свою карту с местонахождением темных и светлых артефактов и их описанием.

Пообещав напоследок прислать карту, Патриция уехала уже на следующий день, не сказав ни слова прощания. Судя по опущенным плечам и сожалению, отраженному во взгляде, ей было стыдно за то, что она больше не смогла ничем помочь. Гвардо покинули поместье вместе с ней. В коридорах вновь воцарилась тишина, однако она была не такой как прежде. Что-то темное заставляло чувствовать напряжение. Ощущение приближавшейся опасности не исчезло со смертью вампира.

Часть 9. Бал

Тишина держалась недолго. Вскоре суета вновь поселилась в поместье. Она громко топала ногами, стучала ложками, кричала и даже поздним вечером не уходила спать. Раз вампир был мертв, настало время собрать родных для оглашения завещания Эльмара, а потом устроить бал. Эта традиция жила в Альворе так долго, что никто уже не помнил, для чего она существовала. Подготовка легла на плечи Киллиана. Он разрывался между множеством дел: писал приглашения, утверждал меню, проверял работу слуг и составлял план. Вечером они с Карлом изучали артефакты, чтобы скорее начать поиски того самого, который мог помочь Ингрид. Нередко братья засиживались в библиотеке допоздна.

Сама Ингрид почти не выбиралась из комнаты. Она боялась, что проклятие подействует так же, как отцовское. Девушка была в состоянии сдерживать себя, но никак не могла выкинуть из головы картины, как из-за неконтролируемой злости на братьев кричит на них или пытается убить. Лучшим вариантом казалось остаться наедине с собой, а гулять выходить по ночам. Весь день Ингрид провела в комнате, а на следующее утро поднялась с кровати лишь услышав стук.

– Ингрид, могу я войти? – раздался из-за двери мягкий голос Киллиана. Девушка подошла ближе и только хотела открыть дверь, поддавшись внезапному порыву, как одернула себя:

– Нет, я боюсь, что могу сорваться.

– Я на секунду, ты даже не успеешь, – ответил брат. – Я не могу оставить тебя в такой момент.

Ингрид все же доверилась. Любовь к брату заставила ее повернуть ручку двери и отступить, впуская его. Киллиан остановился посреди комнаты и только хотел что-то сказать, как Ингрид предупредила:

– Я не знаю, что со мной может произойти. Я перестану контролировать свою злость, ударю тебя или начну кричать. Пожалуйста, брат...

– Ударь, – ответил он коротко и уверенно, будто давал приказ. Ингрид вслушалась, но все же не поняла, чего добивался брат.

– Что?

– Бей, кричи, злись. Тебе это сейчас нужно, – объяснил Киллиан, вытянув вперед руки и напрягшись, готовясь принять удар. – Давай, попробуй. Если внутри тебя есть злость, не держи ее в себе.

– Ты в этом уверен? – со страхом в голосе спросила Ингрид, однако брат лишь твердо кивнул. Она размахнулась и нанесла первый удар, а Киллиан подставил ладонь, чтобы заблокировать его. Удар вышел хорошим, сильным.

– Ещё, – голос Киллиана вновь звучал так, будто он приказывал, и Ингрид подчинилась. Вскоре она перестала сомневаться и думать и просто била, даже сама не видела, куда. Быстрее. Сильнее. Брат с трудом защищался, но не пытался ее прервать. Все раздиравшие девушку чувства делали удары только сильнее. Она полностью отдалась им, выплескивая их наружу. Вскоре Ингрид перестала думать и о страхах, и о собственной незавидной судьбе. Ее тело и разум сосредоточились на ударах. Она вкладывала больше себя.

– Все равно, если кто-то услышит. Кричи, ругай кого хочешь, – Киллиан ворвался в мир мыслей Ингрид громким уверенным голосом. Она воскликнула в сердцах:

– Этот вампир – просто сукин сын. Я бы это проклятие в него обратно затолкала. Ещё ненавижу отца. Если бы не он, ничего этого не было бы. Чем я заслужила это, скажи. Чем?

Ингрид продолжила громко перечислять всех и вся, кого ненавидела, и одновременно не прекращала наносить удары.

– За что? – спрашивала она, не ожидая ответа. Вряд ли судьба могла объяснить, чем Ингрид заслужила столько страданий.

Наконец, девушка, выдохшись, рухнула на кровать, раскинув руки. Злости не осталось в душе, и вдруг появилось приятное чувство удовлетворения. Усталость разлилась по телу и успокоила бушевавшую внутри бурю. Киллиан занял место в кресле, откинувшись на спинку и вытянув ноги. Он не выглядел уставшим, лишь его волосы лежали в беспорядке, падали на глаза.

– Тебе стало лучше? – спросил брат негромко. Ингрид прислушалась к себе. Злость, если и осталась, не терзала ее. Девушка не боялась больше сделать что-то плохое с Киллианом, ведь уже, справедливости ради, попыталась его побить.

– Вроде да, – ответила она неуверенно. Неизвестно, сколько усталость будет действовать успокаивающе.

– Я могу почаще заходить, чтобы ты меня побила, – отшутился Киллиан, но вскоре его голос вновь стал серьезным. – Только пообещай, что не будешь закрываться. Если вдруг разозлишься на меня, то пожалуйста. Не сдерживайся.

Ингрид поднялась, опершись на локти, чтобы заглянуть брату в глаза. Она не понимала, действительно ли он говорил серьезно. Однако взгляд Киллиана не выражал ничего, кроме

легкого беспокойства. Ингрид поймала себя на одной лишь мысли. Брат был готов на всё, чтобы помочь. Девушка села на кровати и положила ладони на колени Киллиана, нагнувшись вперёд.

– Я обещаю, что не буду злиться на тебя, – сказала она. Сложно было злиться на того, кого Ингрид любила больше всего. Киллиан взял руки сестры в свои и стал целовать их, пока осторожный стук в дверь не прервал его.

– Мне сказали, что вы здесь, господин, – когда Киллиан открыл дверь, извиняющимся тоном объяснил дворецкий. – Повар хотел задать вам ещё несколько вопросов по поводу меню на балу.

Брат подмигнул Ингрид и ушёл вслед за слугой, оставив ее наедине с собственными мыслями выйти из комнаты в сад.

Потихоньку Ингрид вновь начала проводить время с братьями. Особенно спокойно она чувствовала себя с Киллианом, который позволил ей злиться на себя, если ей того захочется. Вместе с Карлом девушка изучала артефакты и с волнением ждала приезда родни. Возможно, ее предчувствие чего-то неприятного, что должно было случиться при них, было навязано страхом. Однако она ничего не могла с собой поделать. Ингрид боялась сорваться на тетю, дядю или кузенов.

Первым за день до оглашения завещания приехал младший брат Эльмара – Элиас. Он был ещё не старым человеком, обыкновенно не заботящимся о своем внешнем виде. Даже тогда его пиджак был заляпан краской, темные кудрявые волосы лежали в беспорядке, а краешек рубашки торчал из-под ярко-красной жилетки, сильно контрастировавшей с черным костюмом. Движения Элиаса никогда не казались изящными, напротив, были резкими и несколько неуклюжими. Однако он обладал каким-то особым обаянием чудака, который мог заставить всех вокруг обратить на себя внимание.

– Простите, что почти не заходил в гости, – объявил Элиас с порога. – Эльмар пообещал не пускать меня сюда, а он своё слово всегда держал. Кстати, это вам.

Его слуга занес картину, изображавшую орла, гордо парящего в безоблачном ярко-голубом небе. Элиас успел попробовать себя и в игре на лютне, и в рисовании, и в стихосложении. Он стремился окружить себя красивыми вещами и не жалел денег на роскошные предметы искусства.

– Красота, – говорил он, когда Ингрид и Киллиан иногда встречали его по чистой случайности, – это настоящая сила. Она поражает человека глубже, чем меч или копье.

– В этот раз ты превзошёл себя, дядя, – Киллиан искренне похвалил картину, внимательно ее рассмотрев. – Эта картина великолепна. И теперь ты можешь приезжать сюда, когда тебе захочется.

– Похоже, скоро вы устанете от меня, – ответил Элиас с улыбкой. – Мне нужно наверстать упущенное. Пока мы далеко не ушли, вот вам ещё подарок.

Он подошёл к Киллиану и одним неожиданно для себя ловким движением достал из-за уха золотую монету, протянув ее на раскрытой правой ладони. Однако, стоило протянуть руку, чтобы забрать ее, Элиас сжал кулак.

– Как думаешь, она до сих пор там? – спросил Элиас и хитро прищурился. Киллиан осторожно предположил:

– Она в другой руке.

– Такой момент испортил, – разочарованно протянул Элиас и раскрыл левую руку, на которой лежала монета. При этом она исчезла из правой.

– Я просто заметил, что ты всё это время держал левую руку сжатой в кулаке, – Киллиан усмехнулся. – Когда-нибудь ты научишься показывать такие же фокусы, как и на ярмарке.

– Похоже, я и забыл, что ты более внимателен, чем мой двухлетний сын.

Все-таки с Элиасом было интереснее, чем с остальными родственниками отца. Он мог сначала показаться несерьёзным, однако с такой же лёгкостью говорил о философии и литера-

туре, удачно вливаясь в любое общество. Ингрид, Киллиан и Карл лучше бы провели больше времени с ним, чем с тетушками. Особенно с Эмили.

Однако первой приехала тетя Элиза с тремя детьми и властным холодным мужем. Как и в последний раз, на ней, уже почти седой, худой, с первыми морщинами на вечно выражавшем покорность лице, было серое закрытое платье, лишенное украшений. Образ она дополнила черной шляпкой с вуалью. Элиза не сказала ни слова, когда Киллиан поприветствовал ее последней после мужа и детей.

– Очень надеюсь, что отныне и впредь мы будем поддерживать связь, – муж Элизы, поморщившись, так пожал руку Киллиану, но хватило его благородного порыва ненадолго. – Всё же... вам нужна будет помощь опытного человека. В столь юном возрасте сложно быть главой семьи, непременно возникнут ошибки.

– Знаете, при всем уважении, опыт не всегда бывает удачным, – парировал Киллиан. – Хотя о чем я? Вам действительно об этом известно, как опытному человеку.

Стараясь ответить вежливо и одновременно выставить границы, Киллиан напомнил несколько неудачных покупок и инвестиций, которые заставляли мужа Элизы просить денег в долг у Эльмара.

– А вам, молодой человек, должно быть известно, что к советам старших, вроде меня, стоит прислушиваться.

– Я знаю, – ответил Киллиан, желая окончательно заставить уже раздраженного собеседника замолчать, – что ваши советы на вес золота. Пожалуйста, обменяйте их на золотые монеты и проинвестируйте правильно.

Муж тетушки Элизы сжал зубы, нахмурился, но не стал ничего отвечать, лишь взял жену и младшего ребенка за руку и ушёл в большую гостиную вслед за слугой. Карл не смог сдержать короткого смешка:

– Жестко ты с ним. Хотя нельзя сказать, что несправедливо. Он пытался давить на тебя.

Киллиан пожал плечами, выразив безразличие к своему недавнему неприятному собеседнику:

– Я знал, что он попытается. Отец имел на него огромное влияние, потому что постоянно давал ему денег в долг. Сейчас он хочет изменить ситуацию.

Следующей за полчаса до начала церемонии приехала тетушка Эмили и два ее сына. Ей не было ещё и сорока, но из-за вечно хмурого строгого внешнего вида она казалась гораздо старше. Она ходила, насупившись, презрительно оглядывая всех вокруг, держась с гордо поднятой головой и прямой спиной.

– Очень сожалею, что Эльмар ушёл так рано, – холодным и совершенно безразличным тоном сказала Эмили. – Он не был ответственным главой семьи, но о мёртвых нельзя говорить плохо.

– Отец очень старался быть хорошим главой семьи, но ему, как любому человеку, иногда свойственно было ошибаться, – ответил Киллиан, с легким поклоном пожав руку тёте и двум ее детям. То же сделали Ингрид и Карл.

– Я не буду пожимать руку бастарду! – воскликнул младший сын Эмили. Он презрительно взглянул на Карла и, будто боясь испачкаться, отодвинулся дальше.

– Послушай, – Киллиан подошёл ближе к кузену, стараясь заглянуть ему в глаза, – Карл носит фамилию Эдлер. Мой отец признал его. Значит, он такой же член семьи, как и ты. Я прошу тебя быть разумным и извиниться.

Кузен обернулся к матери, не зная, что ему следует сделать. Судя по лицу, он был ошарашен и, в то же время, намеревался придерживаться своей точки зрения. Эмили решила вмешаться. Она положила руку на плечо сына и негромким холодным голосом сказала:

– Это было невежливо. Ты должен извиниться.

– Прости, – протараторил кузен, будто старался скорее покончить с неприятным делом. Его лицо до сих пор выражало раздражение и презрение. Он опустил голову и поспешил уйти вглубь поместья.

– Простите его, – Эмили держалась с достоинством, хотя тоже говорила без намека на искренность.

– Поговорите с ним об этикете, – Киллиан был столь же холоден, предупредив тётю напоследок, прежде чем она ушла следом за сыновьями. Карл показал ей в спину кулак, зная, что она не увидит.

– Мелкий идиот, – процедил он сквозь зубы, крайне раздраженный словами кузена. Карл ненавидел любое упоминание о своем происхождении. Он знал, что не был виноват в том, что отец связался со служанкой, но все вокруг вели себя с ним так, будто он сам выбирал, как и у кого родиться.

– Его слова – это отражение мыслей тети Эмили, – заметил Киллиан. Все знали об отношении тёти к Карлу. Точнее, о ее к нему безосновательной ненависти. И она, в отличие от сына, умела сдерживать себя.

– Не обращай внимание на это, – Ингрид похлопала Карла по плечу, надеясь, что поддержка сможет его успокоить. – Неважно, что они думают. Они ведь живут далеко и почти не приезжают.

Карл ободряюще улыбнулся. Пока Ингрид и Киллиан поддерживали его, он мог не обращать внимание на тётю Эмили и ее детей. Ведь самые близкие люди не считали его чужаком и охотно интересовались его жизнью.

Ингрид, Киллиан и Карл последними заняли места в большой гостиной. Их тётя, дядя и кузены напряженно молчали, стараясь держаться друг от друга как можно дальше. Они сидели, отвернувшись, сдерживаясь, должно быть, от колких замечаний. В воздухе повисла тень надвигающейся опасности. Запахло жареным. Ингрид подумала, что серьёзное недопонимание царит между родственниками. Она не знала, какая кошка пробежала между ними, и надеялась, что никогда они с Киллианом и Карлом не будут вести себя так же.

Никто не пытался нарушить тишину. Обычно шумный Элиас, любящий поговорить, молчал, поджав губы и отвернувшись к окну. Он ерзал в кресле, пересаживался удобнее, явно чувствуя себя некомфортно. Не пытался ничего сделать и Киллиан. Он не хотел становиться между ненавидящей друг друга роднёй и стать той самой искрой, что разожжет пламя спора. Все ждали лишь с нетерпением, что начнётся церемония.

Наконец, вошёл невысокий седовласый мужчина в сером костюме. Поздоровавшись, он сел за стол, и его негромкий, но вкрадчивый голос нарушил царившую тишину:

– На ваших глазах я вскрываю конверт. В нем завещание герцога Эльмара Эдлера, чья смерть наступила двенадцатого числа пятого месяца восемьсот пятьдесят шестого года в результате ранения в грудь. Сейчас я зачитаю завещание. Я, герцог Эльмар Эдлер, находясь в трезвом уме и светлой памяти, выражаю свою последнюю волю. Своим наследником я объявляю Киллиана Эдлера. Он получит титул, поместье, землю, всё моё состояние в размере трех миллионов золотых и семисот тридцати серебряных и сеть кузнечных мастерских, владельцем которой я являюсь. Господа и дамы собравшиеся, признаете ли вы завещание Эльмара Эдлера?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.